

A romantic illustration of a man and a woman in a garden of roses. The man, with long dark hair and a goatee, wears a black shirt with lace detailing and has his arm around the woman's shoulder. The woman has long red hair, wears a black lace dress and a floral headband, and looks directly at the viewer. The background is a dense field of pink and white roses.

Наталья Лакота

Четвёртый брак
чёрной вдовы

Наталья Лакота

Четвёртый брак чёрной вдовы

«Автор»

2025

Лакота Н.

Четвёртый брак чёрной вдовы / Н. Лакота — «Автор», 2025

Катарина дель Астра трижды выходила замуж, и каждый из ее мужей погибал безвременной смертью. Кто-то считает донну Катарину колдуньей, кто-то – проклятой от рождения, а сама она уже смирилась с вечным трауром. Но однажды донна совершает скандальный, опрометчивый, возмутительный поступок! Она прилюдно объявляет, что готова взять в мужа преступника - убийцу, приговоренного к казни...

Содержание

Глава 1. Брак и скандал	5
Глава 2. Нежданный гость	10
Глава 3. Красные чулки и любовные мадригалы	17
Глава 4. Уважаемый дом и неуважительный дон	20
Глава 5. Соседи знают всё	23
Глава 6. Утренняя трапеза и денежные издержки	28
Глава 7. Еще один гость	32
Глава 8. Донна Длинные Уши	37
Глава 9. Вы поедете на бал?	43
Глава 10. Представление начинается	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наталья Лакота

Четвёртый брак чёрной вдовы

Глава 1. Брак и скандал

Барабанная дробь отвлекла Катарину от раздумий, и шустрая служанка Агапита сразу же приподняла штору на каретном окне. Экипаж донны Катарини дель Астра как раз проезжал мимо центральной площади, которая сейчас была заполнена народом, словно плод инжира семечками.

- Что там за шум? – спросила Катарина безразлично.

Ее камеристка Лусия тоже выглянула в окно, но сразу же отвернулась, состроив безразличную гримаску, зато Агапита смотрела с жадным любопытством.

- Кого-то казнят, донна, - сказала она, не в силах усидеть ровно на мягком каретном сиденье. – О! Его как раз ведут! Сейчас прочитаю, что написано на табличке... - она высунулась почти по пояс, чтобы разглядеть обвинение. – Он женоубийца!

- Веди себя прилично, - приказала ей Катарина, а Лусия дернула Агапиту за юбку, но тщетно.

- Его повесят! – почти визжала от возбуждения служанка, намертво вцепившись в раму окна. – Давайте задержимся, донья! Я еще никогда не видела висельников!

- Опустит штору и поехали, - Катарина начала сердиться. – Не желаю видеть ничьих смертей!

Агапита присмирела, опустила штору и уселась напротив своей госпожи, стараясь скрыть разочарование, что лишена такого заманчивого зрелища.

Барабаны снова загрохотали, и перекрикивая их глашатай объявил:

- В седьмой день месяца августа прошлого года была умышленно убита донна Чечилия Мальчеде, дочь графа Мальчеде! По приказу короля, ее убийца – Хоэль Доминго, прозванный Драконом, будет повешен, а прежде...

Агапита и Лусия глазом не успели моргнуть, как благородная донна Катарина метнулась к окну и высунулась наружу, будто самая обыкновенная любопытная служанка.

- Останови! – крикнула она кучеру.

- Мы посмотрим на казнь? – обрадовалась Агапита, но хозяйка ее не слушала.

Распахнув двери, она выскочила из кареты, даже не дожидаясь, пока лошади остановятся.

Осужденного уже завели на деревянный помост, на котором была установлена виселица, и священник подошел, чтобы принять последнюю исповедь.

Катарина пробивалась к месту казни, расталкивая зевая локтями. Впрочем, горожане, собравшиеся посмотреть на казнь, сами расступались, едва видели молодую рыжеволосую женщину в черном траурном платье. Некоторые даже шарахались и осеяли себя священными знаками, начиная шептать молитву.

Добежав до помоста, Катарина остановилась. Ах, да она обезумела! Траур по третьему мужу продлился всего год и два месяца, а она выбежала на площадь, да еще и не закрыла лицо вуалью. Пытаясь отдышаться, Катарина приняла вид, приличествующий положению благородной вдовой донны, и опустила вуаль.

Но даже опущенная вуаль не помешала ей хорошо видеть мужчину, приговоренного к смерти. Дон Хоэль Доминго, прозванный Драконом. Самый храбрый из всех рыцарей короля, непобедимый, сияющий, как солнце – именно таким она сохранила его в памяти.

Тогда, десять лет назад, он был грозен, прекрасен, восседал на вороном коне, и его меч и посеребренные латы сверкали, озаряя всадника ореолом. Неистовый, смелый – безрассудно смелый!.. И враги бежали от него без оглядки!..

А теперь он стоял перед толпой, со связанными за спиной руками, и жители славного города Тьерги безбоязненно тыкали в его сторону пальцами, и обсуждали, не понижая голоса – задохнется висельник, когда палач выбьет лавку из-под ног, или сломает шейные позвонки.

На приговоренном была только набедренная повязка, он был грязен и худ, но мышцы под кожей бугрились и перекачивались, как стальные шары. Широкая грудь вздымалась сильно и мерно, ноги были мощными, как столбы. Он был похож на стреноженного быка, которого ведут на закланье.

Катарина заметила, что на правой ноге донна Хоэля виднелись застарелые и свежие ожоги, и преступник старался не слишком опираться на нее. Вдова похолодела, представив, что послужило причиной этих ран – испанский сапожок! Страшное изобретение добрых соседей. Этим, поистине, дьявольским изобретением не только ломают кости. Его еще нагревают в огне и тогда надевают на жертву.

Хоэль оглядел толпу и презрительно сплюнул прямо на помост. Сердце Катаринины преисполнилось жалости – сколько же ему пришлось вытерпеть?! Она решительно направилась к лестнице, потому что священник уже подошел, держа крест и книгу. Исповедоваться преступник отказался – по крайней мере, не произнес ни слова, пока читали разрешительную молитву.

Возле лестницы Катарину настигла Лусия и схватила за руку, пытаясь удержать:

- Что это ты делаешь, Кэт?! Опомнись!

- Отпусти меня, - потребовала Катарина, глядя на помост.

Палач уже проверил, легко ли скользит петля, и пошатал ногой лавку, на которую предстояло взобраться приговоренному, и теперь все ждали, пока священник закончит последние напутствия.

- Кэт! – продолжала звать к благоразумию подруга, но Катарина вырвалась и принялась взбираться по ступеням на помост, стараясь не наступить на подол.

- Остановитесь! – крикнула она.

Священник замолчал и оглянулся, и брови у него полезли на лоб.

- Остановите казнь, - пытаясь выровнять дыхание, приказала Катарина.

- Он – убийца, донна, - ответил глашатай, узнавая ее и почтительно кланяясь. – Приказ короля, и мы не можем ослушаться.

- Он не будет повешен, - возразила Катарина и закончила, повысив голос, чтобы все услышали: - Согласно закону, я беру этого человека в мужья, и он должен быть помилован!

Если бы в этот момент с неба спустились ангелы и возвестили о втором пришествии, жители Тьерги не взволновались бы сильнее. Шум на площади поднялся такой, что судья вынужден был приказать глашатаю протрубить в серебряную трубу, чтобы успокоить зевак.

- Добрая донна, - судья потирал руки, не смея обидеть знатную даму, и желая поскорее покончить с неприятным делом, - вы не можете спасти его, потому что в законе говорится о невинных девах, которым преступник может быть передан на перевоспитание. Но о вдовах там нет ни слова, тем более... о трижды вдовах.

- Вы придумали это только что, дон Альваро? – надменно спросила Катерина. – В законе нет ни слова о «невинных девах», зато упоминаются «достойные женщины». Или вы считаете меня недостаточно достойной?

- Она права, - сказал палач. – Он не может быть казнен, если нашлась достойная женщина, пожелавшая его в мужья.

Катарина кивнула ему, благодаря за поддержку, и судья начал колебаться, как вдруг приговоренный к казни заговорил. Голос у него был низкий, раскатистый, сильный и звучал очень недовольно:

- Пойдите-ка, дон судья! Вы хотите помирить меня, чтобы я взял в жены вот эту донью? Ну нет! Я не собираюсь выкупать себе жизнь бабской милостью. Вешайте меня, и покончим с этим!

Если появление донны Катарина вызвало изумление, то слова приговоренного и вовсе поразили горожан. Как?! Не желает спастись?! Просит повесить?! Передние ряды передавали задним слова донна Дракона, и над площадью стояли гул и крики, как будто чайки раскричались над бушующим морем.

Не ожидавшая такой грубой отповеди, Катарина покраснела, как рак, благо, что под вуалью ее лицо не было видно. Отказался? Вот так, не задумываясь ни на секунду?..

- Он не желает жениться, донна, - объявил судья, заметно приободрившись. – Преподобный отец, заканчивайте!

- Не о том вы просите, мамаша, - сказал висельник с усмешкой и покрутил головой, разминая шею. – Идите отсюда, вам же будет лучше.

- Я беру этого человека в мужья, - повторила Катарина. – Вы не можете продолжать казнь. В законе ничего не говорится о согласии жениха.

- Зачем вы все усложняете, донна?! – засуетился судья. – Палач! Веревку!

- Я не стану его вешать, - заявил палач, и его слова были встречены воплями восторга.

Кто-то в толпе даже закричал осанну жениху и невесте, отчего Катарина покраснела еще сильнее.

- То есть как это – не станешь? – зашипел судья.

- Нашлась женщина, которая хочет выйти за него, - заупрямился палач. – Закон есть закон!

- Да какой закон, бестолочь? – вмешался и приговоренный. – Вешай давай, а добрую донью гоните взащей, пусть найдет себе порядочного мужа и...

Катарина резко отбросила вуаль, оказавшись лицом к лицу с доном Хоэлем. Он замолчал на полуслове и уставился на женщину, которую только что обозвал матушкой и очень неуважительно просил убраться. Несомненно, это была самая красивая женщина во всем Арагоне. Мавританское племя, двести лет назад прокатившееся по местным землям, оставило ей высокие скулы и чуть раскосые глаза – темно-карие, опущенные ресницами такой густоты, что глаза казались подведенными кайалом. Но волосы у женщины были огненно-рыжие, а кожа – молочно-белой, еще более белой по сравнению с черным нарядом. Надменно стиснутые губы напрочь убивали нежность ее красоты, и донна выглядела как охотница, вздумавшая подстрелить совсем иную дичь, нежели олень или куропатка.

- Ух ты... - выдохнул висельник. – Прошу прощения, а я-то принял вас за замшелую каргу, донья. Но только это ничего не меняет и...

Он осекся, когда Катарина твердым шагом подошла к нему, взялась за шнурок с крестом, висевший у него на шее, дернула на себя сильно и резко, заставив приблизиться почти вплотную, и тихо сказала:

- Я спасу вас, чего бы мне это ни стоило. Даже если вы будете упираться, как старый осел! Нет, он был такой же – совершенно такой же!

Катарина узнала каждую черточку его лица – шрам над правой бровью, нос с горбинкой, черные густые брови, придававшие мрачный, почти злобный вид, упрямо выдающийся подбородок и губы – такого же четкого рисунка, твердые, но удивительно нежные, когда касаются в поцелуе...

Серые глаза донна Хоэля удивленно расширились, а в следующее мгновение достойная вдова поцеловала убийцу прямо в губы – при всех, без стеснения!.. Зрители ахнули, как один, а Лусия спрятала лицо в ладонях, едва не застонав.

Поцелуй длился мгновение, не больше, а потом Катарина чопорно сказала:

- Обвенчайте нас немедленно, отец Жозеф, мне надоело ждать, - и теперь никто не посмел ей возразить.

Судья мрачно сопел, втягивая голову в плечи, а палач торжественно развязал преступника, показывая, что казнь не состоится. Сам виновник сих событий смотрел на рыжую вдову не отрываясь, словно она одним поцелуем не только лишила его дара речи, но и привязала к себе крепче, чем упавшими на помост веревками.

Обряд венчания не занял много времени – священник торопливо и испуганно зачитал молитву, и благословил новобрачных:

- Объявляю вас мужем и женой!

Катарина взяла новоявленного супруга под руку:

- Я помогу вам дойти до кареты, дон.

Но он отстранился:

- Благодарю, я и сам в силах до нее добраться.

Передернув плечами, Катарина пошла вперед, указывая дорогу, а он заковылял за ней. Палач услужливо подскочил и подставил плечо, и от его помощи убийца не отказался. Толпа расступилась перед ними, давая дорогу. Катарина шла очень прямо, не озаботившись опустить вуаль, и не смотрела ни вправо, ни влево. Лусия семенила рядом, а следом палач вел хромящего Хоэля Доминго, который забористо ругался сквозь зубы всякий раз, когда наступал на покаленную ногу.

Кучер распахнул карету, из которой испуганно выглядывала Агапита, сразу же юркнувшая в уголок, когда страшный женоубийца подошел ближе.

Три женщины сели рядом на одной стороне, а на другой расположился счастливо спасенный дон. Он угрюмо посматривал на спутниц, пытаясь тыльной стороной ладони откинуть с лица спутанные отросшие пряди. Катарина помогла ему, не побрезговав прикоснуться, и он счел нужным объяснить:

- Пальцы сломаны.

- Да, - ответила Катарина, опуская глаза.

Конечно же, его пытали, и испанским сапожком дело не обошлось.

Глаза она опустила зря, потому что сразу же уперлась взглядом в мощные ляжки и в грязную тряпку, которой были обмотаны бедра дон Хоэля. Под тряпкой скрывалось нечто не менее мощное, и Катарина, напомнив себе о правилах приличия, перевела взгляд в окно.

- Мы вызовем врача, он позаботится о вас, - сказала она как можно мягче.

- Не надо врача, - тут же отмахнулся он. – Это все ерунда.

- Переломы – это опасно, - ответила Катарина, задетая его небрежным тоном.

- Ерунда, - последовал не менее оскорбительный в своей небрежности ответ.

Катарина поджала губы, решив, что сделает все по-своему.

В карете повисло напряженное молчание, во время которого спасенный преступник рассматривал женщин самым внимательным образом.

- Могу я узнать ваши имена, доньи? - нарушил он тишину. – Все три такие красотки, а я даже не знаю, как вас зовут.

Катарина закусила губу. Замечание, что красотки – все три, странным образом обидело ее. Агапита покраснела до корней волос, а Лусия, кашлянув, представила всех троих:

- Вам выпала честь ехать в карете герцогини дель Астра, - тут она сделала широкий, выверенный до дюйма, жест в сторону Катарини. – Я – ее компаньонка Лусия Фернандес Эстефан, Агапита – служанка, - в сторону служанки последовал не менее выверенный, но менее широкий жест – так, просто указать, даже не поворачивая головы.

- Ух, как у вас это ловко получается, - восхитился Хоэль, и в его голосе Катарине послышалась издевка. – Ручкой туда, ручкой сюда – и понятно, кто госпожа, а кто на побегушках. Наверное, долго учились делить людей по сорту?

- Прошу прощения! – возмущенно воскликнула Лусия, а Катарина покраснела от негодования.

Он еще сомневался, кто здесь благородная донна, а кто служанка?! Вслух она, разумеется, ничего не сказала, сделав вид, что болтовня дон Хоэля ее не касается.

Подождав, не заговорят ли с ним, и не дождавшись, Хоэль снова пустился в расспросы:

- А куда мы едем, благородные доньи?

Катарина посчитала, что этот вопрос стоит ответа и пояснила:

- Едем в мой дом, в Каса-Пелирохо. Там вы сможете отдохнуть и позаботиться о ранах.

- Ваш дом, - задумчиво повторил Хоэль. – Осмелюсь спросить еще, благородная донья...

Катарина холодно посмотрела на него. Ей казалось, что каждым своим словом он попросту издевается над ней. Даже «донна» он произносил на по провинциальному, словно намеренно подчеркивая, насколько далек от хороших манер и элементарной благодарности за спасение жизни.

- ...коннетабль дель Астра кем вам приходится? – спросил дон Хоэль.

- Он мой отец, - последовал спокойный ответ.

- Ага, я и подумал, что для жены вы слишком молоденькая, - заявил он, рассматривая ее, как фарфоровую безделушку на витрине. – А вы, вроде как, вдова?

Агапита прыснула и сразу же сделала вид, что закашлялась. Хоэль немедленно посмотрел на нее, пытаясь угадать причину такого веселья, Лусия искоса глянула на Катарину, а Катарина уже с трудом сдерживала раздражение.

- Вроде как, я замужняя женщина, - ответила она саркастически. – И вроде как, вы даже мой муж.

- А, ну да, - припомнил он и ухмыльнулся. – Зачем же вам понадобилось меня спасать? Я вам так сильно понравился, донья? Осмелюсь сказать, сейчас я не в лучшем виде. Но если меня отмыть и побрить, - он почесал тыльной стороной ладони заросший подбородок, - то еще сгложу вас. Обещаю даже стараться.

Лусия ахнула и закрылась веером, чтобы скрыть румянец, Агапита вытаращилась, позабыв закрыть рот, а Катарина призвала на помощь всю свою выдержку.

- Добрый дон, - сказала она, едва сдерживая злость, - я спасла вас по причинам, обсуждать которые не намерена. Но дело вовсе не в моей симпатии к вам. Боюсь, вы мне совершенно несимпатичны. И чем дальше заходит знакомство, тем больше...

- То есть причин нет, - перебил он ее.

Катарина махнула веером, показывая, что он волен думать, как ему угодно.

- Тогда кто вас просил вмешиваться? – поинтересовался он грубо.

С треском захлопнув веер, Катарина посмотрела ему в глаза:

- Вместо благодарности, - сказала она, чеканя слова, - вы говорите какую-то ересь, добрый дон. Такое чувство, что вы хотели умереть.

- Может и хотел, - проворчал он, откидываясь на мягкое сиденье. – А насчет благодарности... Я не просил вас меня спасать. Вы хоть соображаете своей рыжей головкой, что надедали? Вы взяли в мужья преступника, убийцу... Вас за это точно не похвалят.

- Это мое дело, - сказала Катарина надменно. – И вас оно точно не касается. К тому же... - тут она поймала удивленные и любопытные взгляды Агапиты и Лусии, которые следили за перепалкой с огромным интересом. – К тому же, я не верю, что вы убили свою жену.

- Не верите? - переспросил Хоэль и мрачно хмыкнул: - А зря.

Глава 2. Нежданный гость

- Не верю, что ты сделала это, Катарина! – Лусия в ужасе схватилась за голову. – Боже! Теперь об этом будет болтать весь город! Ты еще и поцеловала его на виду у всех! Что скажет донья Флоренсия, когда узнает?!

Катарина слушала ее излияния, оставаясь внешне спокойной, но внутри так и кипела. Сегодня Лусия превзошла саму себя в бестолковой болтовне. Конечно, подруга была права, и донна даже думать не хотела, что скажет ее семья по возвращении из столицы, но выслушивать это сейчас было уже слишком, к тому же, совершенно бесполезно – Лусия все равно не могла ничем помочь.

А она совершенно измучилась за последние два часа борьбы с мужем, который послал вызванных лекарей пасти бычков и напроочь отказался принимать микстуры, которые должны были поддержать его силы.

- Вы за кого меня принимаете?! – бушевал он. – Я, по-вашему, баба, чтобы пить эти капельки? Дайте мне вина и мяса, и завтра я буду здоров!

Но лекарь строго-настрого запретил давать больному тяжелую пищу, а вино велел разбавлять родниковой водой на две трети, чтобы после тюремной еды не произошло раздражения желудка.

Призвав на помощь всю свою выдержку, Катарина попыталась объяснить это мужу, но он и слушать не пожелал.

- Донья, добрая донья! - перебил он ее, пытаясь подняться из пуховой постели, куда его положили, отмыв и побрив. – Не тратьте времени и сил, и денег тоже не тратьте, потому что все это лишнее. Я до сих пор понять не могу – что вы во мне нашли и зачем притащили сюда? А зачем того... это... поцеловали?

Катарина ушла, чтобы не видеть его ухмылки, и, выйдя из комнаты, спряталась за углом, возле чулана, кусая губы. Не узнал. Он ее не узнал. Нет, она и не надеялась, и даже не думала об этом, но... как же обидно. Именно здесь ее и нашла Лусия, увела в гостиную и начала вливать яд через уши, сотрясая воздух ненужными упреками, жалобами и советами.

- Мы с тобой подруги с детства, Кэт! – увещевала она, бросившись на колени перед креслом, в котором сидела Катарина, и схватив ее за руки. – Объясни же, что на тебя нашло? Этот жуткий человек... этот убийца в твоём доме...

Катарина вдруг вспомнила, что с самого утра ничего не ела, а теперь уже время далеко за полдень - и голова кружится, и такая усталость навалилась, что лучше бы вздремнуть часок в беседке или в кресле в саду.

- ...ах, я даже не представляю, как рассердится донна Флоренсия! – Лусия вскочила и забегала по комнате, заламывая руки. – А дон Фабиан – тот будет в ярости! Ну как можно было быть такой безрассудной, Кэт?!

- Как можно быть такой болтливой, донья? – раздался вдруг низкий раскатистый голос, и женщины одновременно оглянулись на дверь.

На пороге стоял дон Хоэль, в одних подштанниках, и почесывал грудь тыльной стороной перевязанной ладони.

По приезду в Каса-Пелиродхо дон Хоэль отмыли, побрили и вычесали, и теперь он благоухал мятным мылом и выглядел даже по-человечески.

Впрочем, нет. Тут Катарина погрешила против истины. Дон Хоэль Доминго, прозванный Драконом, выглядел сейчас... невероятно. Даже в бинтах и полуголый (а, возможно, и именно потому, что полуголый), он походил на древнего бога Нуберу, который, если верить преданиям, являлся смертным женщинам в облике человека и соблазнял их.

Усталость словно сняло рукой, и Катарина почувствовала себя необыкновенно свежо, словно только что южный морской бриз донесся в лицо. Неужели, это дон Дракон своим непристойным видом так ее оживил?.. Да, наверное, когда смотришь на сильного и красивого человека, то и сам приободряешься. А он был красив – дикарской, дерзкой красотой.

Но не только физическая красота и сила, еще и внутренняя сила исходили от этого человека. Лусия оставила нравоучения и уставилась на него, позабыв о приличии. Катарина прекрасно ее понимала – ее саму бросило в жар, и она поспешила принять самый холодный, самый безразличный вид, чтобы скрыть волнение.

- Вы зачем встали? – спросила она строго. – Вам назначили лежать и только лежать. Как вы можете быть таким небрежным к собственному здоровью? И служанка... я ведь приставила к вам служанку, надо было попросить ее, а не вставать...

- Отхожее место мне ваша служанка не притащит, - ответил Хоэль грубо, проходя в комнату и с неодобрением оглядываясь. – Но я ошибся дверью, кажись.

Комната использовалась Катариной, как маленькая гостиная, где принимались только самые близкие и дорогие люди, поэтому и обставлена она была просто, без помпезности, столь излюбленной в Тьерге. Мебель светлого дерева, два круглых столика, клавесин, полка с альбомами и музыкальная шкатулка, которую привез еще первый муж Катарины, когда путешествовал далеко на север. Напольные вазы были полны свежих цветов, а пол застилал прекрасный мавританский ковер с изображением стилизованных верблюдов на фоне песчаных барханов.

В изысканной комнате дон Хоэль смотрелся, как этот самый верблюд с ковра, вздумай он вломиться сюда.

- Нужная вам дверь – в конце коридора, - заявила Лусия, обретая дар речи и указывая веером в том направлении, в каком дону Хоэлю полагалось убраться.

Он посмотрел на нее исподлобья, но с места не сдвинулся и обратился к Катарине:

- Что-то я передумал, потерплю пока. Вот увидел вас, донья, и решил спросить кое-чего...

- Вы бы шли в уборную, добрый дон, - заявила Лусия, постучав его веером по плечу.

- Вы бы заткнулись, добрая донья, - последовало в ответ.

Дамы ахнули, подбородок Лусии мелко задрожал:

- Вы что себе позволяете, - она хотела снова постучать его веером по плечу, но Хоэль остановил ее одним взглядом. – Ведете себя возмутительно, я...

- Донья, вы бы ушуршали куда-нибудь? - сказал Хоэль пресекая препирательства. – Мне надо поговорить с женой без лишних ушей, а вы мешаете.

Лусия задохнулась от возмущения и обернулась к Катарине, ища поддержки, но та смотрела в пол.

- Хорошо, - произнесла компаньонка дрожащим голосом, и было похоже, что она вот-вот разразится слезами. – Я удаляюсь, с вашего позволения!

- Удаляйтесь, удаляйтесь, - произнес Хоэль ей вслед прощальное напутствие.

Лусия повернулась на каблучках и вышла, в самом деле шурша нижними юбками. После ее ухода Катарина спросила:

- Разве была необходимость говорить с ней так грубо?

- Грубо?! – изумился Хоэль. – Да я был нежен, как медовая патока.

Катарина только вздохнула, не имея ни малейшего желания спорить с ним по поводу его манер.

- Да ладно, - сказал ее муж развязно, - не притворяйтесь, что сожалеете, что она ушла. Таких трещоток – поискать и не найти. Я был в другой комнате, и то не смог это вытерпеть.

- Она – моя подруга, - сказала Катарина резко, с ужасом осознавая, что он прав – она и в самом деле испытала облегчение, когда Лусия ушла.

- Только не становитесь на дыбы, моя рыжая кобылка, - примирительно сказал Хоэль, - я же не ругаться пришел...

- Да что вы? – сравнение с кобылкой покорило, и даже оскорбило, но Катарина сдержалась, хотя и с трудом. – Зачем же вы явились?

- Хотел поблагодарить вас, - он сел в кресло напротив и принялся шевелить пальцами ног, задумчиво их изучая.

Несмотря на раздражение, Катарина чуть не фыркнула – до того это было нелепое и потешное зрелище.

Хоэль поднял голову и улыбнулся углом рта:

- Ну вот, хоть повеселели. Не грустите, у вас такое милое личико – одно удовольствие смотреть, просто картинка. А вы все время строите кислую мину, будто от запора.

- Вы необыкновенно галантны, - сказала Катарина холодно, чувствуя себя так, словно ей предложили конфетку в золоченой обертке, а внутри оказалась дохлая муха.

- Прошу простить, - извинился он без тени смущения. – Вы, наверное, не знаете, но я из простых, читать только лет пять назад научился. Поэтому мне непросто с такими изысканными и нежными дамами, как вы.

Это заявление удивило и даже испугало Катарину.

- Как?.. – спросила она. – Вы же – знаменитый королевский генерал, дон Дракон, женившийся на дочери графа Мельчеде...

- Все так, - он хмыкнул и снова почесался – на сей раз бедро, - но я к тому же безотцовщина, а моя мать была дочерью пеона, так что ничего благородного. Я до пятнадцати лет вычищал дерьмо из конюшен на сиенде у дона Густаво Андрада, если такой вам известен. А потом он отправился воевать и прихватил меня с собой, чтобы чистил его коня. Так что вы выбрали не того мужа, добрая донья.

Несколько секунд Катарина обдумывала услышанное. О доне Драконе говорили, что он королевский бастард, а его мать была донной знатного рода, и вдруг такое... Не наговаривает ли он на себя?

Хоэль правильно понял ее подозрительный взгляд:

- Я вам правду говорю. Да, мне повезло не подохнуть на войне, и даже спасти короля и получить его покровительство, но дела это не меняет – сейчас я простой кабальеро,[1] а в прошлом – так и вовсе нищесброд.

- Но Чечилия Мальчеде... - прошептала Катарина.

Лицо Хоэля потемнело, он коротко вздохнул, а потом взглянул на Катарину открыто и прямо:

- Король настоял на этом браке. Ее отец был не слишком доволен, да и она не особо.

- Вы и правда убили ее? За что?..

- Вот совсем не об этом я хотел поговорить с вами, донья. Но если уж заговорили – то я виновен в смерти своей жены, и повесить меня должны были справедливо. Но вы вмешались, и до сих пор не пойму – зачем. Вы такая красивая, нежная, образованная... - он помотал рукой в воздухе, помогая себе жестами, чтобы описать прелести женщины, - пусть даже я вам так понравился, это все равно глупо.

Он ждал ответа, но Катарина молчала. Ей казалось, голова ее сейчас лопнет от мыслей. Ее сияющий, как солнце, рыцарь, герой ее девичьих грез - безотцовщина, неграмотный, сын батрачки... Чтобы скрыть волнение, она взяла корзиночку для рукоделия и достала пяльцы с незаконченной вышивкой. Несколько стежков, и благородная донна вполне пришла в себя, чтобы продолжать разговор.

- Вы мне ничуть не понравились, - сказала она чинно. – Не льстите себе. Но действительно, нам надо объясниться. Просто однажды вы спасли человека, который мне очень дорог, - она делала стежок за стежком, боясь смотреть на мужчину, сидевшего напротив. У него такие

глаза, что невольно содрогаешься, когда смотришь в них, поэтому лучше смотреть на розу, вышитую алым и розовым шелком, это позволяет сохранять хладнокровие. – Я была удивлена, увидев вас в нашем городе. Мне казалось, вы обосновались в провинции графа Мальчеде, в Сан-Хосино...

- Просто тамошний судья не пожелал приводить королевский приговор в исполнение, - объяснил дон Хоэль, - сказался больным. А ваш судья даже сам предложил услуги. Они с моим бывшим тестем приятели, как оказалось. Но я перебил вас, продолжайте.

- Благодарю, что разрешили продолжить, - поджала губы Катарина. – Только мой рассказ уже окончен. Я поклялась, что никогда не забуду вашего подвига, и однажды верну вам долг. Вот и все.

- Вы поклялись мне? – спросил Хоэль, хмурясь.

- Нет, добрый дон, не вам, - Катарина скупно улыбнулась. – Я поклялась себе, если угодно.

- Поклялись себе... но тогда... Зачем было сдерживать клятву, о которой никто не знал?

- Я знала, - она вскинула глаза, но сразу же потупилась. – Дель Астра всегда держат слово, даже если клятва идет им во вред.

- Как раз такой случай, - ввернул он.

Катарина не ответила и продолжала, глядя на пяльцы:

- Выздоровливайте – и я не держу вас. Если пожелаете, снабжу вас лошадью и деньгами. Доктора говорят, что вы поправитесь через месяц... У вас и правда могучее здоровье, как у настоящего дракона.

Он вдруг встал так стремительно, что Катарина испуганно ахнула.

- Вы меня отпускаете? – спросил Хоэль хмуро. – Но как же наш брак? Все было по-настоящему, донья, если вы заметили. Как вы собираетесь его расторгнуть?

Катарина пожала плечами:

- Если для вас это так важно, обратитесь к королю с прошением, если он благоволит вам, то не откажет...

- Боюсь, я потерял милость его величества, - ответил Хоэль сквозь зубы. – К тому же, как только я разведусь с вами, вы будете навсегда опозорены.

- О, не беспокойтесь обо мне.

- Но после развода вы вряд ли сможете выйти замуж, - настаивал он.

Катарине стало смешно из-за его горячности.

- Добрый дон, - сказала она спокойно. – В любом случае я больше никогда не выйду замуж.

- Почему? – потребовал он ответа.

- Потому что став вашей женой, я заключила четвертый брак. А как известно, церковь разрешает лишь четыре брака, остальные союзы - от дьявола.

- Вы трижды вдова? – прищурился он, разглядывая ее пристально. – Слуги не врал?

- Трижды, - кивнула она.

- Почему?

- Потому что так решили небеса, - Катарина посмотрела на него удивленно. – Почему люди умирают, добрый дон? Потому что так суждено. Мой первый муж утонул, второй упал с обрыва, третий умер от холеры – нелепые, страшные случайности на первый взгляд, но на самом деле – воля небес.

- Как вы спокойно об этом говорите, - сказал он. – Их смерти для вас ничего не значат? Вы не любили своих мужей?

- Это слишком личный вопрос, - ответила Катарина уклончиво. – И дамам такие вопросы не задают, - она помолчала и добавила со значением: - Не задают воспитанные мужчины.

- Но я-то не воспитанный мужчина, - заявил Хоэль в своей грубоватой манере. – Я ваш муж, если помните.

- О, это трудно забыть, - призналась Катарина. – И пользуясь случаем я хотела бы попросить не разговаривать в таком тоне, что вы сегодня позволили, с моими близкими.

- Вы про чернявую пигалицу? – он принялся методично обрывать лепестки у роз, стоявших в вазе. – Да она просто напрашивалась, чтобы ее приструнили. Она же вроде как ваша компаньонка? Мне говорила служанка, та, остроглазая...

- Агапита, - напонила Катарина. – Но вы ошибаетесь. Лусия – моя подруга, мы выросли вместе. Мой отец взял ее под опеку после того, как ее родители умерли.

- Так она еще и всем вам обязана? – догадался Хоэль. – Тогда ей и в самом деле надо вести себя поскромнее, а вам надо время от времени ставить ее на место, а то совсем распояшется.

- Дон Хоэль! – воскликнула Катарина звенящим голосом.

Но он не заметил ее негодования или предпочел не заметить:

- Кстати, раз уж мы женаты, не надо обращаться ко мне так благовоспитанно – дон. Всякий раз, когда вы это говорите, мне хочется расшаркаться перед вами, а я этого страх как не люблю. Я уже сказал вам, что все эти словесные вензеля на меня тоску нагоняют. Зовите меня по имени – Хоэль, а я буду звать вас Катарина. Нет, это слишком длинно, а Кэт мне не нравится. Но ладно... сойдет и Кэт. Вот хоть бы и Кэтти - Кошечка.

Катарина выразительно посмотрела на него, давая понять, что подобная фамильярность ей совсем не по душе, но муж попросту не заметил ее взгляда или сделал вид, что не заметил.

- Вам незачем оставаться в моем доме дольше обычного, - сказала она. - Моя миссия выполнена, я сдержала слово – и счастлива. Надеюсь, вы тоже обретете счастье.

- Что-то не слишком вы похожи на счастливую, - заявил он.

- Внешность обманчива.

- В ваш обман тоже что-то не верится. Я знаю, что коннетабль дель Астра умер десять лет назад. Вы были совсем молоденькая, наверное, когда остались без папаши?

- Когда отец умер, - спокойно поправила его Катарина, - мне было пятнадцать лет.

- И кто устроил ваш брак? Мать? – продолжал допрашивать он. – Вам только в куклы было играть в этом возрасте.

- Я вышла замуж в восемнадцать, - Катарина старалась держать себя в руках, но с каждой репликой мужа это было все труднее, - и моя мать умерла за три года до отца.

- Так вы сирота? – он сочувственно помычал, чем окончательно взбесил Катарину. – Постойте-ка, дель Астра умер десять лет назад, вам пятнадцать, потом вы в восемнадцать выходите замуж... Первый раз?

- Первый, - ответила она сквозь зубы.

- Теперь вам сколько?... Двадцать пять?..

- Да.

- И вы трижды вдова? За семь лет? Получается, вы даже траур не соблюдали? Снова выскакивали замуж? Экая вы быстрая.

- Что вы себе позволяете! – Катарина бросила вышивку и вскочила.

Но на Хоэля ее гнев не произвел никакого впечатления.

- Как вы сразу загорелись, - сказал он, усмехаясь, - правду говорят, что рыжие – все бестии. Вы даже краснеете уморительно – пых! – и уже вся вишенка до ушей! Мне нравится, когда женщины краснеют, это... - он подумал, хмыкнул и закончил: - это мило.

- Вы... вы отвратительны, когда так говорите, - возмутилась Катарина. - Я требую большего уважения.

- Простите, - сказал он без тени раскаяния, - я не хотел вас оскорбить. А кто устраивал ваши браки так скоропостижно? Король?

- Скоропалительно, - поправила она его и уселась в кресло, забыв расправить юбку, как положено благородной донне.

- Что? – переспросил он.

- Не важно, - Катарина засмеялась, но смех получился странным – нервным, отрывистым, и она сразу замолчала.

- Так кто? – продолжал настаивать Хоэль.

- Мои родные.

- У вас есть родные? Кто - тетя, дядя?..

- Мачеха, сводный брат и сводная сестра, - сказала она. - Отец женился на донне Флоренсии дель Кардона за год до смерти, и у нее уже были дети...

- Где же они? – Хоэль оглянулся, как будто родственники жены могли бодренько вылезти из-под скатерти.

- Сейчас они в столице, - пояснила Катарина. – Там праздник по случаю помолвки принца.

- Они в столице на празднике, а вы здесь?

- Я в трауре, смею вам напомнить.

- Ах, да, - он изволил заметить ее черное платье. - Она добра к вам? Ваша мачеха?

- Конечно! Донна Флоренсия очень переживала после моего первого вдовства и хлопотала, чтобы срок траура сократили и мне позволили выйти замуж во второй раз, - она помолчала и добавила, - а потом и в третий.

- Какая заботливая мачеха, - заметил Хоэль не особенно любезно. – Значит, эта добрая донья за семь лет заставила вас сменить трех мужей, позаботившись обоить приличия, а вот на праздник вас не взяла. Тоже ради приличия?

- Прошу прощения! – запротестовала Катарина.

- Не вопите, - он поморщился. - И как вы думаете она посмотрит, что вы самовольно устроили свой очередной брак? с убийцей? Вы, наверное, недопонимаете, Кошечка, что король вас за это не похвалит.

Он ждал ответа, и Катарина, которую так и распирала злость после «Кошечки» вдруг перестала злиться, почувствовав, что для него это почему-то очень важно. Почему? Он опасается немилости? Но он и так в немилости, раз приказ о казни был подписан его величеством. Хуже уже точно не будет. Или... он опасается за нее?.. Она смотрела ему в глаза – серые, стальные, ни у кого больше нет таких глаз. И сразу были забыты обиды из-за его неосторожных слов. Как можно на него обижаться – он такой, какой есть. Не притворяется, не пытается выглядеть лучше. Люди ее круга никогда не показывают своего истинного лица, не говорят напрямую, стараются скрыть собственные мечты и желания, потому что правда это... грубо? О! Кому нужна правда! Некрасивая, разрушающая иллюзии, обыденная...

Но Хоэль ждал ответа.

- Я поступила так, посчитала нужным, - сказала Катарина. – И никто, даже король, не заставит меня пожалеть об этом.

Он опустил ресницы, и на его губах промелькнула тень улыбки.

- А вы кремень, донья, - сказал он вдруг почти весело, с хрустом разминая плечи. – Хоть по виду нежнее бабочки. Что ж, я не задержусь долго, можете не волноваться. Немного подзалатаю дыры – и уеду и из этого города, и из этой страны.

- Куда вы отправитесь? – спросила Катарина, чувствуя, как сердце заledenело в груди. Странно, она ведь ничуть не расстроится, если этот невоспитанный человек исчезнет из ее жизни? Тогда из-за чего...

- Поеду в Португалию. Может, во Францию. Мир большой, - сказал Хоэль небрежно. – Не все ли равно куда идти? Везде будет одно и то же.

Он уже вышел из комнаты, но на пороге оглянулся:

- Кстати, вы говорили я кого-то там спас. Где это было?

Катарина ответила прежде, чем подумала, что кое о чем надо и умолчать:

- Возле Сарагосы.

Он потер подбородок, а потом мотнул головой:

- Что-то я не помню особых своих геройств под Сарагосой.
- Это к лучшему, дон.
- Вы уверены, донья?
- Абсолютно, - сказала Катарина и вежливо улыбнулась.
- А, ну тогда хорошо, - кивнул он и ушел.

[1] Кабальеро – дворянин-воин, получивший дворянство за военные заслуги.

Глава 3. Красные чулки и любовные мадригалы

Он ничего не помнит.

Когда дон Хоэль удалился, Катарина готова была расплакаться и даже не могла назвать причину своей грусти. Что ее больше опечалило? То, что герой грез ее юности оказался вовсе не благородным рыцарем, как она себе нафантазировала? Или то, что он и думать забыл о той, которую поцеловал во время боя?

Ах! Катарина досадливо всплеснула руками. Почему она решила, что этот мужчина отличается от остальных? Разве мужчины помнят случайные поцелуи? Тем более, в пылу битвы. Вот Анджело – ее третий муж, даже не мог запомнить дня ее рождения. Но сказать по правде, им удалось отпраздновать лишь одни ее именины...

Не помнит – ну и пусть. Катарина решительно поправила прическу, поглядевшись в настенное зеркало. Это к лучшему. Она заплатила долг памяти, и сняла груз с сердца. То есть ей хотелось бы верить, что сняла. Но так ли это?..

- Надо отвлечься и успокоиться, - сказала Катарина своему отражению.

Чтобы никто из служанок, а тем более Лусия, не увязались за ней, она вышла через боковую дверь в соседнюю комнату и перелезла через подоконник – благо, что ее гостиная находилась на первом этаже. Таким образом благочестивая вдова уже не раз сбегала от назойливых слуг.

Теперь она шла по садовой тропинке, выложенной серым кирпичом, и старалась не думать о разговоре с мужем. Лусия, конечно, обидится. Ведь Катарина, фактически, выставила ее вон. Но каким блаженством было избавиться от вечного нытья! Угрызения совести не заставили себя ждать. «Конечно же, я люблю Лусию, - мысленно сказала Катарина себе в утешение. – Но иногда она бывает очень... очень... очень утомительной».

Путь благородной донны лежал в крохотный садовый домик – всего два этажа, четыре окна и даже печи не было в нем, только переносная жаровня. Ключи от домика Катарина всегда носила на поясе, и слугам строго-настрою было запрещено заходить туда без хозяйки. Даже уборка там производилась под бдительным присмотром Катарины. Официально в садовом домике находилась библиотека – шесть полок с книгами, которые члены семейства дель Астра собрали в течение нескольких веков, но не из-за книг Катарина так дорожила этим домом.

Отперев двери и тщательно заперев их за собой, она миновала книжные полки, даже не взглянув на фолианты, и поднялась по лестнице на второй этаж. Здесь находилось ее маленькое царство, куда никому больше не было ходу – письменный стол, крохотная кушетка, зеркало венецианской работы от потолка до пола, статуэтка богини любви Афродиты на круглом столике, и огромный шкаф из мореного дуба, тоже запиравшийся на ключ.

Опустив кружевные шторы, Катарина зажгла свечку из зеленого воска перед изображением богини, потом раскрыла шкаф и достала сверток из черной атласной ткани, перетянутый лентой. Это она купила только вчера, и еще не успела примерить. Оторвав бирку, на которой было выведено «Модная лавка госпожи Соль», она развернула свертки и достала пару алых чулок – самой тонкой работы, ажурных и легких, как паутинки. Они были ажурными от мыска до самого верха, а не как обычно – до середины икр (ибо какой благородной даме вздумается задирать юбку выше?!), и это было развратно, неприлично и... ужасно красиво!

К чулкам полагался низкий корсет, обтянутый алым атласом, начинавшийся под грудью, и подвязки, украшенные слезками красного граната и золотистыми полупрозрачными жемчужинками.

Катарина не отказала себе в удовольствии примерить эту красоту. С корсетом пришлось повозиться, но она уже привыкла справляться без служанок. Корсет сидел на ней, как влитой, делая тонкую талию еще более тонкой, а изгиб бедер – еще более соблазнительным. Надев

чулки, она пристегнула подвязки и покрутилась перед зеркалом, любуясь игрой света на блестящих камешках. Очаровательное, изысканное белье! То, что она только что сняла, тоже было очень красивым – персикового цвета, с подвязками, украшенными янтарными бусинами, но не шло ни в какое сравнение с красным!

Катарина повернулась спиной к зеркалу и изогнулась, чтобы посмотреть на себя сзади. Полагавшиеся к корсету штанишки из алого шелка были такими крохотными, что оборки едва выглядывали из-под края корсета – игриво, соблазнительно, греховно! Катарина засмеялась, но сразу же погрузилась. Отчего-то сегодня даже эта забава не радовала. К чему все эти оборочки и стрелки, если увидеть подобную красоту может только она?

И дон Хоэль не вспомнил...

Подойдя к письменному столу, на котором были разбросаны листы бумаги, исписанные мелким бисерным почерком, ломаные и очиненные до нескольких дюймов перья, Катарина достала из шкатулки, где стояли пузатые баночки чернильниц, крохотную фигурку – серебряного дракона. Несмотря на то, что дракон бережно хранился уже много лет, серебро не потускнело – Катарина исправно чистила его мелом. Фигурка была выкована с отменным мастерством – можно было разглядеть каждую чешуйку на хвосте, каждый рубчик на перепончатых крыльях. Вместо драконьего глаза когда-то красовался маленький сапфир, но камень выпал, когда фигурка была сбита с доспеха чужим мечом.

Покрутив серебряного дракона в руках, Катарина посмотрела в окно, раздумывая – не лучше ли швырнуть фигурку в сад, но, поразмыслив, бросила ее в шкатулку.

- Твой хозяин оказался совсем не таким блестящим, как ты, - сказала она серебряному дракону и захлопнула крышку.

Ну и пусть. Все к лучшему.

Донна Флоренсия обещала пробыть в столице месяц, к этому времени Хоэль поправится и уедет. Конечно, и донна Флоренсия, и Фабиан будут недовольны... Тут Лусия была совершенно права, но сейчас Катарине не хотелось думать о родственниках. Все это потом. А сейчас... пусть жизнь идет так, как ей угодно.

Не надевая платья, в одних красных чулках, она уселась в кресло, поджав ноги, и вяла перо. Как странно, но вдохновение никуда не исчезло, и даже разочарование от встречи с прошлым не пригасило страстного огня, пылающего в сердце.

Отличная строчка!

Катарина обмакнула перо в чернила и написала:

*- Огонь в груди,
пылающий так страстно!
Ты делаешь счастливым
И несчастным.*

*Мы счастливы
В своем слепом незнание
Но день пришел –
И разочарование.*

*Красавица блестящая,
Послушай!
Ты завлекла лицом,
Сокрывши душу!*

О, как же глуп я,

*Разум презиравший!
Влюбился в облик,
Душу не узнавши!*

На этом можно было и закончить, но перо словно само собой вывело последние строки:

*- Но пусть уродлива
Душой любовь моя,
Другой на свете
Не желаю я.*

Закусив губу, Катарина прочитала написанное, подумала и вымарала последнее четверостишие. Подумала еще – и переписала стихотворение с пятым столбцом. Потом сделала внизу приписку: «Гарсиласо де ла Васо». Ну вот, еще один сонет в копилку знаменитого поэта. Эту забаву Катарина придумала года три назад, когда тяжело переживала смерть второго мужа. Она легко складывала стихи с самой юности, но невозможно было и помыслить признаться в этом. Донна Флоренсия упала бы в обморок, прознай о любовных мадригалах, которые слагаются в Каса-Пелирохо. Так появился Гарсиласо де ла Васо – беспечный поэт, кутила, любитель выпивки и женщин, мечтатель, шутник и пройдоха. Он писал любовные баллады и фривольные сонеты, которые распевали простолюдины на улицах города, и которые шепотом читали друг другу дамы в салоне маркизы Бомоньезе. Иногда Катарина с трудом сдерживала смех, когда та или иная жеманная красавица уверяла, что очередной сонет был посвящен ей, и что поэт настойчиво домогался ее любви, распевая под окном любовные песни.

Разумеется, никакого Гарсиласо не существовало, а мадригалы, написанные в доме герцогини дель Астра, носил в типографию мастера Паскуаля сын кормилицы Катарины. Из типографии стихи вылетали отпечатанные на толстой бумаге и разлетались по Тьерге и ее окрестностям, залетая, порой, даже в столицу.

Отбросив перо, Катарина поднялась из-за стола и начала одеваться. Что ж, пусть мечты о сияющем благородном рыцаре оказались развеяны в прах, у нее осталось немало интересного в жизни. На следующей неделе у госпожи Соль ожидается новый подвоз лучшего шелкового белья во всем королевстве, скоро будет представлена новая пьеса уличного поэта Гарсиласо де ла Васо, и... и все будет прекрасно.

Глава 4. Уважаемый дом и неуважительный дон

Проснувшись утром следующего дня, Хоэль не сразу понял, где находится, увидев кисейные оборки над кроватью и потолок из досок светлого дерева. Совсем не похоже на городскую тюрьму. А, черт! Он же женился.

Дом был небольшой – всего-то три этажа. Два жилых, а третий – мансарда. Хоэля устроили в мансарде, притащив туда кровать и кое-что из мебели. Наверное, будь он настоящим доном – можно было и обидеться, но после тюремных застенков и мансарда казалась раем. Правда, спалось там не очень – то ли постель была слишком мягкая, то ли за последний год, пока велось дознание, Хоэль отвык спать по-человечески. Ночь он проворочался почти без сна, а под утро ему приснилась покойная жена – донельзя чопорная, с презрительно поджатыми губами, она говорила ему ужасно обидные слова – что-то про отсутствие манер, неблагородность... Он проснулся в холодном поту и даже думал помолиться, чтобы призраки не досаждали, но вспомнил про жену нынешнюю и молитвы забылись сами собой.

Катарина дель Астра. Герцогиня. И титул ее отца переходит на мужа. Значит, теперь он герцог? Хоэль хохотнул, хотя в комнате кроме него никого не было. Герцог Хоэль Доминго! Лошади на сиенде, где он чистил конюшни, оборжались бы, узнав об этом.

С проклятиями выбравшись из постели, в которой можно было утонуть, он попытался надеть штаны, но тут же бросил это занятие – со сломанными пальцами было попросту невозможно натянуть штаны на задницу, не то что застегнуть поясной ремень. Служанок поблизости видно не было, и Хоэль решил прогуляться до отхожего места. Что ж, вчера донью Кошечку ничуть не возмутили его подштанники, надо думать, и сегодня она ничего не скажет против.

Спустившись на второй этаж, Хоэль хотел уже нырнуть в нужную комнату, но тут его перехватила служанка, которую приставили к нему вчера. Он напрочь не помнил ее имени, и она это поняла, потому что поспешила представиться:

- Пекита, дон. Вы зря встали, я как раз несла вам ночную вазу, - она тут же продемонстрировала ему фарфоровый горшок внушительных размеров, больше похожий на супницу – с двумя изогнутыми ручками и нарисованными розовыми ангелочками, рассыпающими цветы.

- Да ты спятила! Убери, - сказал Хоэль, едва сдерживаясь, чтобы не выругаться. Ночная ваза! Осталось только попку подтереть и носик припудрить.

Но его грубость не обескуражила служанку – она лишь понимающе улыбнулась и предложила:

- Позвольте тогда помочь вам, - и она взглядом указала на место пониже живота.

Хоэль невольно оглянулся – не слышит ли кто, и уточнил:

- Поможешь?

- Конечно, дон, - пропела она в ответ.

От подобной прямолинейности Хоэль даже смутился. Не то, что он возражал бы сейчас против женских активных действий, но устроить подобное со служанкой в доме женщины, которая спасла его... да еще и пожелала взять в мужья...

- Не волнуйтесь, - поняла служанка его смущение по-своему, - донна Катарина сама приказала, чтобы я помогала вам.

- Моя жена? – переспросил Хоэль на всякий случай, разглядывая малышку Пекиту уже другими глазами. Миленькая, пухленькая, все при ней, да еще и сговорчивая притом...

- Ваша жена, - подтвердила служанка, жестом предлагая Хоэлю пройти в уборную.

- Чудненько, - пробормотал он. Ладно, хоть в этом донья герцогиня проявила понимание. Год без женщины – испытание не из хилых. – Тогда приступай, - приказал он, заходя внутрь уборной.

Впрочем, назвать эту комнату уборной было бы неправильно. Больше это походило на зал для приема гостей, если не считать ванны и королевского стульчика, сейчас аккуратно прикрытого крышкой. На окнах висели портьеры, затканые серебром, к которым были приколоты живые цветы, паркетный пол так и сверкал, у стены стоял диван с ворохом подушек, а над ним красовалась картина – гологрудая сирена наполовину приподнималась из воды, томно поглядывая на посетителей. По мнению Хоэля, это была самая подходящая комната, чтобы заняться извечной игрой между мужчиной и женщиной, и едва дверь закрылась, а Пекита потянула вязки на его поясе, он обнял ее за шею, целуя в румяную щеку, и потащил к дивану, чтобы устроиться с удобствами.

Служанка завизжала так, что уши заложило. Хоэль отшатнулся, пытаясь придержать сваливающиеся подштанники и понять, что произошло. Может, служанка увидела мышь?..

Выяснить это он не успел, потому что дверь уборной распахнулась и на пороге появилась Катарина – в темно-синем халате, с неприбранными еще волосами, а из-за ее спины выглядывала Лусия.

Только их не хватало! Хоэль безуспешно ловил подштанники, прижимая их ладонями, и отступил к дивану, скрывая оголившийся зад.

- Что случилось?! – крикнула Катарина, заметила его и... замолчала.

- Донна... донна... - бормотала Пекита. – Простите, я лучше пойду... - она прошмыгнула мимо хозяйки и исчезла в коридоре.

Катарина проводила ее взглядом, а потом посмотрела на мужа:

- Что вы тут делали, позвольте спросить?

- Ничего, - тут же ответил он.

- Но Пекита кричала, как будто вы ее резали, - не поверила она.

В это время Лусия затолкала обратно в комнату Пекиту, которая была красная и, похоже, собиралась пустить слезу. Вид у нежной компаньонки был почти свирепым, и она преградила Пеките дорогу, чтобы служанка не сбежала.

- Отвечай, что случилось! – потребовала Лусия.

- Да что за переполох, - сказала Хоэль с досадой. – Всего-то выполняли ваш приказ, донья. С чего столько шуму?

- Мой приказ? – Катарина посмотрела на Пекиту, и та все-таки залилась слезами.

После изрядной порции слез и всхлипов, Пекита выдавила:

- Я – честная девушка, донна! И я ничего не сделала! Я не виновата!

- Нет, я тут во всем виноват! – рассердился Хоэль. – Если уж начинаете дело, донья, то заканчивайте его, как следует. Приставили ко мне какую-то недотрогу, а потом еще и недомольны, что столько шума!..

- Недотрогу? – казалось, рыжая герцогиня не понимает, о чем идет речь.

- Вы же сами велели ей меня ублажать, а теперь...

- Ублажать?

Тон жены Хоэлю совершенно не понравился, и он хмуро спросил у служанки:

- Так ты ко мне просто так лезла? Ополоумела, что ли?

- Всего лишь хотела помочь дону развязать тесемки на штанах! – возопила Пекита. – Вы ведь велели помогать ему, донна!

- Велела, - взгляд Катарины стал холодным. – А вы что понапридумывали, добрый дон?

Хоэль не сдержался и выругался сквозь зубы, а потом громко сказал:

- Прошу прощения, я подумал кое о чем другом.

- Начинаю понимать, - сказала Катарина ледяным тоном, а потом попросила Лусию и служанку: – Оставьте нас, девушки.

Те вышли, но дверь прикрыли неплотно, и в щелку Хоэль заметил край домашнего платья донны Лусии, которая пожелала погреть ушко у косяка. Что касается Катарины, она не

догадалась проверить далеко ли ушла ее подруга и надвинулась на Хоэля грозно, как испанская флотилия.

- Ведите себя прилично, - сказала она низким, дрожащим от негодования голосом. – Это – уважаемый дом, и никому не позволено превращать его в бордель.

- Ну не кипятитесь, донья, - примирительно ответил Хоэль, - я же не знал, что все так строго. Это ваша служанка сбила меня с толку. Я и вправду поверил, что вы – сама доброта.

- Поверили, что я разрешу вам развратничать с моими служанками?

Хоэль невольно залюбовался – сейчас донья вдова была особенно хороша. Глаза так и сверкали, и носик морщился, как у кошки, которую посмели побеспокоить, пока она спала на бархатной подушке. Волосы, раньше уложенные в прическу, теперь свободно лились рыжей волной до самой талии. Рыжие, почти огненные... Все рыжие – отъявленные бестии...

- Если еще хоть раз вы позволите себе такое... - продолжала Катарина с угрозой, но Хоэль не дал жене договорить.

- Вы из-за чего так разозлились, кошечка? – спросил он, не сдержав ухмылки. – Из-за того, что я решил приударить за девчонкой? Или из-за того, что приударил не за вами? Так я готов, вы только скажите...

- Я и вижу, что вы всегда наготове, - сказала она презрительно. – Только у других есть более важные и приятные дела, чем вас ублажать. Придется приставить к вам слугу. Надеюсь, в компании с мужчиной прыткости у вас поубавится, если только... вы не любитель особых игр, как принято у французов.

- Вы за кого меня принимаете?! – возмутился Хоэль. – Это на что вы намекаете?! Вы меня кем обозвали сейчас, донья?! – он бы вскочил, да побоялся остаться без штанов.

Раз она уже сказала, что не хочет его, надо и вправду вести себя поприличнее. Но обзывать его этим самым...

- А кто вы? – спросила Катарина выразительно. – Если человек, так докажите это. Не поступайте, как животное. И оденьтесь. Разгуливать голышом – это тоже не по-человечески. Доброго дня!

Вот и все.

Хоэль мрачно посмотрел в дверь, за которой скрылась рыжая герцогиня. Он даже не нашелся, что ответить на это изящное оскорбление. Будьте человеком... Он коротко вздохнул. Значит, он должен вести себя, как примерный мальчик, потому что «это – уважаемый дом».

В уборную бочком проскользнул слуга – мужеского пола, средних лет и, по виду, больше чем хозяйка гордящийся «уважаемым домом».

- Разрешите помочь вам, дон, - сказал он, задрав нос так, словно подавал милостыню.

- Да провались ты, - ответил ему Хоэль.

Глава 5. Соседи знают всё

После стычки с женой, Хоэль находился в дурном настроении. В этом красивом доме он и так был лишним, а после слов Катарины почувствовал себя и вовсе пятой ногой у собаки. Совсем неумышленно нынешняя жена ударила его словами еще более жены покойной. Сравнения с животным из ее уст задели за живое, и Хоэль, сначала пристыженный, потом пожелал реванша, раздраженный и злой на себя, что не нашелся с ответом сразу.

После того, как ему принесли новую одежду и помогли принять «человеческий вид», обрядив в батистовую рубашку, камзол из тонкого сукна и модные узкие штаны, Хоэль прошелся по второму этажу, заглядывая в окна и надеясь заприметить где-нибудь рыжую гордячку, но Катарина как сквозь землю провалилась, а слуги пробегали мимо него, не смея поднять голову. Пару раз он поймал на себе взгляды молоденьких горничных – восторженно-испуганные взгляды. Но стоило ему посмотреть в ту сторону, как девицы убегали – только белоснежные чепцы трепетали оборками, как флаги на ветру.

Спустившись на первый этаж, Хоэль и здесь не нашел себе занятия, и, скучая, вышел в сад. Цветы на клумбах его не заинтересовали, и он оперся о забор, отделявший сад от улицы, посматривая на прохожих. Многие узнавали его и тарасились, как на приведение, но никто не заговаривал. В конце концов, Хоэль уверился, что более скучного города на свете не существует и решил вернуться в дом, но тут из кустов жимолости вынырнула донна средних лет – полноватая, с круглым и хитрым лицом, в кружевной кокетливой наколке и яркой юбке с поперечными черными и желтыми полосами. Она удивительно походила на пчелу, которая решила сунуть хоботок туда, куда ее не просили. Сходство усиливалось еще и оттого, что донна подслеповато щурила глаза и вытягивала шею, словно пытаясь услышать то, что не полагалось слышать ее мясистым ушкам, мочки которых оттягивали тяжелые серьги в мавританском стиле, и сунуть нос-хоботок туда, куда не просили.

Хоэль совсем некстати вспомнил, что у его жены серьги были крохотными и такими скромными, что больше пристали бы монашке, чем герцогине.

- Добрый день, добрый дон, - сказала «пчела». – А вы, похоже, новый муж донны Катарины?

- Похоже, - проворчал Хоэль. Ему, конечно, хотелось развлечений, но донья Пчела точно не могла развлечь. Могла лишь еще больше нагнать скуку.

Он хотел уйти, но донья Пчела цепко ухватила его за рукав:

- Я ваша соседка, - сказала она медоточиво, но глаза так и впились в Хоэля – рассматривая, оценивая, - донна Инес Лупитас-и-Фернандес, а вы – тот самый дон Дракон? Которого не смогла убить даже молния?

- Да, знатно меня тогда шарахнуло, - признался Хоэль без особого удовольствия – он не любил об этом вспоминать. – Удачного дня, донья, - сказал он, вырывая рукав из цепких пальцев «пчелы».

- Если молния не убила, то и донна Катарина с вами не справится, - сказала «пчела» хихикая, и Хоэль, уже сделавший несколько шагов в сторону дома, медленно оглянулся.

Донна Инес поняла, что ее слова достигли цели, и приняла необыкновенно таинственный и важный вид:

- Вы же знаете, что донна Катарина была замужем три раза...

- Да, уже доложили, - сказал Хоэль, но «пчела» не поняла его иронии.

- Это ужасно, на самом деле ужасно! – зажужжала она, опять прихватывая Хоэля за рукав камзола. – Представляете, дон Луис утонул!..

- Слышал, слышал... - заворчал Хоэль.

- ...в собственной ванной! – закончила донна Инес с придыханием.

Хоэль насторожился. В собственной ванной? Пожалуй, достаточно необычно.

- Что вы говорите?! – произнес он с деланным изумлением, и этого оказалось достаточно.

Донна Инес извергла из своих уст нескончаемые потоки словословия, которые уже были вовсе не медоточивыми, а изрядно отдавали дерьмом:

- Да! Утонул в собственной ванной! Немыслимо, верно? А дон Серхио сорвался с Великана Карла. Бедный! Он так любил пешие прогулки!

- Великан Карл? – спросил Хоэль.

- Ну что вы! – воскликнула донна Инес. – Дон Серхио, конечно же! Великан Карл – это скала, там очень живописно. Иногда маркиза Бомбье устраивает там пикники...

- И когда сорвался дон Серхио – тоже был пикник? – подкинул вопросик Хоэль.

- Нет, тогда он просто гулял... вместе с женой.

Хоэль бросил на «пчелу» быстрый взгляд, пытаясь угадать – нарочно она ужалила или без умысла.

- Разумеется, никому и в голову не пришло бы подозревать донну Катарину, - тут же пояснила она.

- Ну, это само собой, - поддакнул Хоэль.

- Ведь никто не подозревает ее в черной магии! Фу! Как можно даже подумать такое! - фыркнула она с возмущением. – Донна Катарина так набожна, в воскресенье всегда посещает мессу, а, как известно, черные колдуны не могут вынести мессы, - тут она понизила голос и добавила: - Наш лекарь, дон Рафало, сказал что это была обыкновенная холера...

- Из-за холеры дон Серхио бросился со скалы?

- Нет же! Из-за холеры умер дон Анджело. Ах, донна Катарина так его любила! Она так убивалась на его похоронах! – донна Инес промокнула кружевным платочком глаза. – Какое несчастье, что из всего нашего города проклятая болезнь выбрала именно донна Анджело – такого молодого, такого красивого, учтивого... И ведь никто больше не умер, представляете?

- Хм... И с чем это связано, как вы считаете, донья? – Хоэль разглядывал «пчелу» уже не скрывая презрения, но донна Инес не замечала его взгляда, довольная, что нашелся благодарный слушатель.

- Некоторые говорят... - затараторила она, - Но я этому не верю, конечно же!..

- Конечно же, - усмехнулся Хоэль.

- Говорят, что на донне Катарине лежит проклятье. И в этом виновата ее бабушка, ведь это она заставила назвать новорожденную тройным именем и посоветовала «Долорес» и «Соледад», а это несчастливые имена, они и означают-то «Боль» и «Одиночество».

- Ага, - сказал Хоэль, - лучше бы назвали ее Илария[1], там, или Дульсинея[2] – была бы повеселее, да поговорчивее.

- Что вы сказали? – переспросила донна Инес.

- Я сказал: продолжайте сплетничать... рассказывать, донья. Все это очень интересно.

- Все это очень ужасно, а не интересно, - укорила она его.

[1] Илария – означает «веселая»

[2] Дульсинея – означает «нежная»

- Поменьше слушайте ее, добрый дон, - раздалось вдруг из кустов с другой стороны, и к забору вразвалочку подошел мужчина – еще молодой, одетый просто, но богато, смуглый до черноты – с явной примесью мавританской крови. Черная борода придавала ему сходство с морским разбойником, не хватало только серьги в ухе, да разрушал образ заметный животик, нависавший над поясным ремнем. – Донна Инес, как все женщины, охоча до сплетен и часто выдает желаемое за действительное, - произнес он презрительно, достал из поясного кошелька замшевую подушечку и начал полировать ногти.

- Дон Хименес! – взвизгнула донна Инес.

- А что вы возмутились, моя дорогая донна? – спросил дон Хименес. – Разве я сказал что-то не то? – он повернулся к Хоэлю и сказал, протягивая руку для рукопожатия: - Так это вы тот самый королевский генерал, что убил свою жену? Дайте пожму вам руку.

Хоэль вместо ответа показал ему перебинтованные пальцы, забранные в деревянные лубки. В этом случае увечье сослужило ему хорошую службу. Жать руку тому, кто полирует ногти, совершенно не хотелось.

- Да, вам несладко пришлось, понимаю, - важно кивнул дон Хименес. – Но что такое перебитые пальцы по сравнению со свободой? Я слышал, как вы отказывались жениться на дель Астра. Смелый поступок. Такой же смелый, как когда вы прорвали окружение возле Эль-Фуэнте. Я, кстати, тоже тогда воевал, даже был ранен.

- Вот как, - коротко сказал Хоэль, понимая, что этот человек выбешивает его одним своим видом. Тогда, под Эль-Фуэнте, из двухсот его солдат осталось всего двадцать семь, и донна Хименеса среди них точно не было.

- Я бы тоже выбрал виселицу, а не дель Астра, - продолжал дон Хименес. – Но рад, что вы остались живы. И уверен, что эта чертова донна ничего с вами не сделает, - он подмигнул Хоэлю. – Если ее постигнет участь вашей прежней жены – никто плакать не станет.

- Какие ужасы вы говорите! – зажужжала с новой силой донна Инес. – Все в нашем городе любят донну Катарину и сочувствуют ее горю всем сердцем! Жить проклятой – это ужасно тяжело!

- Проклятой? Да вы бредите, донна, - ответил дон Хименес. – Что за глупость – верить в проклятья?

- Дон Анджело тоже в них не верил, - ядовито сказала донна Инес. – И где он сейчас?

- Анджело был глуп, хотя и кичился образованностью, - не сдавался дон Хименес. – Купился на деньги, красоту и титул, не разглядев под розой змею.

- Это вы про что? – мрачно спросил Хоэль.

- Да, объяснитесь-ка! – потребовала донна Инес, упирая руки в бока.

- Я не стану сплетничать, как женщина, - высокомерно провозгласил дон Хименес. – Но каждому понятно, кому выгодны эти смерти. Только тому, кто прибирает к рукам состояния покойных мужей.

- Это... это возмутительно! – вскинулась донна Инес. – Я просто не в силах этого слушать! – но мужскую компанию не покинула и, судя по жадному взгляду, жаждала подробностей.

- Мой вам совет, генерал Доминго, - сказал дон Хименес, чуть наклоняясь к Хоэлю, словно чтобы посекретничать, но даже не потрудился понизить голос: - бегите-ка вы от прекрасной донны дель Астра со всех ног. Вся ваша везучесть может закончиться здесь, - он указал пальцем на дом Катарины, - все знают, что с этой вдовушкой нечисто. И то, что некоторые называют нелепыми случайностями – на самом деле вовсе не случайности...

- А что же? – спросил Хоэль сдержанно, постепенно наливаясь злобой. Намеки бесили сильнее, чем нравоучения и сплетни. Будь Хименес понаблюдательнее, он замолчал бы, но ему не терпелось рассказать о своих догадках очередной жертве чёрной вдовы.

- Не случайности, а самые настоящие убийства, - с удовольствием закончил дон Хименес. – Уже полгорода говорит об этом, только шепотом, потому что дель Астра всем готовы заткнуть рты. Кому деньгами, а кому и кинжалами. Между нами говоря, вы попали в разбойничье логово, - он многозначительно прищелкнул языком. – И главарь там – весьма привлекателен, и с виду так невинен. Донна Катарина умеет притвориться благонаправной, но я-то знаю...

Что знал дон Хименес, так и осталось тайной, потому что в следующее мгновение Хоэль ударил его лбом в лоб.

Раздался глухой стук, дон Хименес всхлипнул и рухнул на цветочную клумбу, как подкошенный.

Донна Инес пронзительно завизжала, а с той стороны улицы уже бежали на помощь горожане, наблюдавшие за разговором издали. Хоэль еле сдержался, чтобы не плюнуть на сплетника, который слабо застонал, приходя в себя, и начиная ворочаться среди роз.

- Боже! Вы... вы ударили его!.. – донна Инес схватилась ладонями за свои пухлые щеки, отчего ее пунцовый рот превратился в некое подобие цифры «восемь».

- Просто неловко дернулся, - проворчал Хоэль. – Беседа была долгой и утомительной, а я еще не совсем окреп, - он повернулся, чтобы уйти, и столкнулся лицом к лицу с женой.

Катарина стояла шагах в пяти от него, уже не в синем утреннем халате, а в глухом черном вдовьем платье. Черная кружевная накладка крепилась черным же гребнем к рыжим волосам, теперь уложенным в гладкую прическу – прядочка к прядочке, и вся донна была – благопристойность, чопорность и... благородное негодование. Хоэль сразу прикинул – слышала ли жена что-нибудь из сказанного врунишкой и сплетником. Но первые же ее слова уверили, что Катарине не было известно, из-за чего все произошло.

- Зачем вы ударили доброго дона Хименеса? – спросила она строго.

- Признаться, ненавижу врунов, - сказал Хоэль небрежно и пошел, прихрамывая, к дому. Катарина, конечно же, увязалась за ним, даже не оглянувшись на стонущего «доброего дона». – Он с такой наглостью врал мне прямо в глаза, что воевал при Эль-Фуэнте, что я не сдержался.

- Вы ударили его только за это? – холодно спросила она, но глаза гневно сверкали – красивые, карие глаза. Темные, но прозрачные, словно полные танцующей золотой пыли.

- Вы удивитесь, но многих в этой жизни бьют и за меньшее, - философски ответил Хоэль, переводя взгляд с личика жены на гравий под ногами.

Так ему было спокойнее. Потому что милостивая мордашечка донны могла смутить кого угодно, несмотря на то, что выражала сейчас недовольство.

- Бьют! – не сдержалась Катарина. – Но только животные, а не благородные кабальеры!

- Но вы же знаете, что я вовсе не такой, – насмешливо сказал Хоэль.

- Своими поступками вы будто пытаетесь убедить меня в этом. Знаете ли вы, - она сделала шаг вперед, преграждая ему путь, - что сейчас сюда явится судебный капитан, да и судья тоже!

- С чего бы? – лениво спросил Хоэль, останавливаясь.

Катарина тоже остановилась, едва не сжимая кулаки. Она была ниже его ростом, но, хотя смотрела снизу вверх - все равно смотрела свысока.

- Дон Хименес обязательно подаст жалобу!

- Если слизняк, то подаст, - согласился Хоэль, сбивая с розового цветка жирную гусеницу.

- Да слушаете ли вы меня?! – воскликнула Катарина, проследив взглядом улетевшее на восемь шагов зеленое мохнатое тельце.

- Давайте-ка зайдем в дом, донья, - сказал Хоэль, обнимая ее за плечи, и она затрепыхалась под его рукой, пытаясь вырваться. – Не будем давать своей ссорой повод для новых сплетен, - прошептал он жене на ухо, вдыхая упоительный аромат, исходивший от рыжих волос.

Она тут же присмирела, но едва они оказались за закрытой дверью, отстранилась – тяжело дыша, вся пунцовая, похожая на самую настоящую живую женщину. Или на разъяренную кошечку, но вовсе не на благонравную вдову, в чьих жилах скисшее молоко, а не кровь.

- Совсем не нужно было обнимать меня на виду у соседей, - сказала Катарина, приглаживая волосы и поправляя платье.

- Почему? Мы муж и жена, а не любовники, - Хоэль намеренно сказал именно это слово и с удовольствием увидел, как донна Катарина краснеет все сильнее и сильнее, хотя, казалось, дальше краснеть уже было некуда. – Все по закону, донья, - успокоил он ее. – И не нарушает приличий.

- Вы... вы невозможны! – сказала она и вдруг вздохнула. – Идемте завтракать. Ждем только вас.

Она начала подниматься по ступеням, но Хоэль не поспешил за ней. Катарина оглянулась, не понимая, почему он медлит.

- Знаете, донья, лучше я где-нибудь в другом месте поем, - сказал он. – Я и так-то вас раздражаю, кошечка моя, а за столом вы и вовсе меня возненавидите, - он потер шею, но под строгим взглядом жены опустил руку и сказал: - Ну не умею я есть всеми этими ложками-копеечками. Да и пальцы сломаны, если помните. Вы лучше отправьте ко мне какую-нибудь служаночку, она меня и покормит.

Про служаночку он упомянул зря, потому что Катарина сразу побледнела – даже удивительно, как быстро отлила кровь от лица. Словно ветер дунул на клумбу белых и красных цветов, мгновенно превратив ее из алой в бледно-розовую.

- Следуйте за мной, - сказала она чопорно, вновь принимая облик добропорядочной вдовы, отчего Хоэлю захотелось повыть. – Я сама вас покормлю.

Вот это было уже интересно, и он тут же взбежал по ступеням:

- Я не ослышался, донья? Будете своими ручками кормить животное?

- Да, - сказала она с вызовом. – Как ливийская принцесса, которая кормила дракона.[1]

Сравнение Хоэлю не понравилось, и он исподлобья посмотрел на жену – к чему эти слова? Нет ли в них тайного смысла. Но Катарина передернула плечами и спросила уже совсем другим тоном:

- Как ваша голова? Вы так ударили его... - она непроизвольно дотронулась до собственного лба.

Хоэль хмыкнул, хотя тревога была приятна – не спросила же донна вдова, что с головой Хименеса.

- Ерунда, - ответил он. – Не волнуйтесь. У меня башка крепкая, как медный котелок, - и он тут же постучал лубком себя по макушке, открыв рот, чтобы звук был поотчетливей.

- И в самом деле, - заметила жена холодно, - звенит почти так же.

- А вы с юморком, донья. И правда, будете меня кормить?

- Может хоть так ваш рот будет занят полезным делом, а не изречением глупостей.

- Вы настолько меня поразили, что обещаю молчать, как пенек, - заверил он ее.

- Тогда начните прямо сейчас, - она взглянула на него искоса и ускорила шаг.

[1] Речь идет о чуде св. Георгия, когда он победил дракона возле г. Бейрут, и принцесса привела чудовище в город на поводке.

Глава 6. Утренняя трапеза и денежные издержки

Их и правда давно уже ждали. За накрытым круглым столиком сидела со скучающим видом Лусия и постукивала по столешнице кончиком крохотной серебряной ложечки. Едва Катарина вошла, Лусия тут же вскочила, набросившись на Хоэля, идущего следом, с упреками:

- Что вы себе позволяете? Почему донна должна искать вас по всему дому? Вчера вам было объявлено, что завтрак в этом доме подается в восемь!

- Что-то я подзабыл, - заявил Хоэль и спросил: - Куда мне сесть?

Судя по виду Лусии, ей очень хотелось ответить: «У порога», - но она промолчала, поджав губы.

- Садитесь рядом со мной, - спокойно сказала Катарина, которая уже пришла в себя после того, что ей пришлось выслушать и увидеть.

О том, что в Тьерге ходят грязные слухи на ее счет, она догадывалась, но никогда еще не была свидетельницей подобных пересудов. Услышать такое из уст соседа... об убийствах... об охоте за богатством - это было омерзительно, ужасно, и то, что Хоэль ударил дону Хименосу... Она не сдержалась и снова посмотрела на мужа искоса. Неужели, он защищал ее? А почему, собственно, она удивилась? Однажды он уже спас ее, защитил, хотя они встретились случайно, и рыцарь в блестящих латах не мог знать, что она – дочь коннетабля дель Астра. Тогда он бросил вызов врагам, не посмотрев на численное превосходство, а сегодня бросил вызов городским сплетникам, не подумав о приличиях. И он... не сказал ей, из-за чего ударил. Постеснялся повторять грязные домыслы? Или... испугался, поверив в них?

Рука ее дрогнула, и сахар, который она добавляла в чашку с рисовой кашей, просыпался на скатерть.

- Вы бы не утруждали себя, донья, - сказал Хоэль.

- По-моему, кто-то обещал молчать, - напомнила Катарина и поднесла к нему ложечку, наполненную кашей.

Лусия вытаращила глаза и позабыла есть, наблюдая, как Катарина кормила мужа – медленно, ложку за ложкой, не выказывая ни брезгливости, ни раздражения. Когда чашка опустела наполовину, Хоэль мотнул головой, показывая, что достаточно.

Катарина отставила чашку и взяла салфетку, чтобы промокнуть ему губы. Он не понял и сначала дернулся в сторону, но потом позволил себя вытереть. Прикасаясь к его рту, Катарина даже через ткань ощутила твердость его губ. Будто выточены из камня, но такие нежные, когда... целуют. Зачем он поцеловал ее тогда? Все это время она думала, что тот поцелуй был судьбоносным, и что сердце блестящего генерала дрогнуло так же, как и ее сердце, но... Генерал не запомнил ее. Кто знает – может, он целует всех женщин, которых спасает.

Ей стало грустно от подобных мыслей. А ведь она клялась, что больше не станет растравлять душу из-за прошлого.

- Что вам угодно теперь? – спросила она как можно равнодушнее. – У нас рисовый пудинг и рисовые биточки...

- Дайте попробовать и того, и того, - проворчал он, отчего-то мрачняя.

И хотя Лусия метала гневные взгляды, Катарина положила на тарелку ломтик пудинга с вялеными абрикосами, и пару биточков с зеленым горошком и сливочным соусом.

Хоэль съел кусочек биточка и мотнул головой, отказываясь. Попробовал пудинг – та же история.

- Кофе? – предложила Катарина.

- Благодарю, с кофе справлюсь сам, - ответил он хмуро.

Она поставила перед ним фарфоровую чашечку, и с состраданием смотрела, как муж осторожно зажимает чашку в ладонях и наклоняется к самому столу, чтобы отхлебнуть напиток. Сколько времени пройдет, пока он поправится окончательно?

Сделав глоток, Хоэль замер на пару секунд, а потом выплюнул все обратно в чашку.

Девушки, прислуживающие за столом, едва не уронили подносы. Лусия протестующее вскрикнула, а Катарина только сжала салфетку, призывая себя к спокойствию. Всякий раз, когда она проявляла сентиментальную жалость по отношению к своему мужу, он сотворял что-нибудь гадкое. Намеренно хотел разозлить ее?

Но Хоэль, похоже, и сам понимал, что поступил неподобающе, и извинился:

- Прошу прощения, донья, но это пить невозможно. Это какая-то пороссячья моча, а не кофе.

- Мне сейчас станет плохо, - еле выговорила Лусия и прижала салфетку ко рту, отворачиваясь.

- Нет, вы не подумайте, - заверил ее Хоэль, - я пороссячью мочу не пил, но говорят, это самый мерзкий вкус, который можно вообразить. Вот это, - он посмотрел в чашку с кофе, - по вкусу – сущее оно. Я как попробовал, сразу подумал – ну точно по вкусу, как...

- Не надо повторять, – оборвала его Катарина.

- А, я и забыл, что я пенек, - спохватился Хоэль. – Простите, донья, но вашу кашу в трех видах я ел, чтобы вас не обижать, только хватит такого счастья. Дайте лучше простого хлеба. Его испортить труднее. Надеюсь, - он помолчал и буркнул: - Много я жрал того, о чем вам, донья, и знать не надо, но вот эта стряпня – это издевательство какое-то. Я бы выгнал кухарку вашей.

Служанки отвернулись, скрывая улыбки, а Катарина готова была засунуть салфетку мужу в рот, чтобы замолчал, наконец, но сказать ничего не успела, потому что ее опередила Лусия:

- Кухарку, к вашему сведению, - произнесла она, чеканя каждое слово, - порекомендовала донна Флоренсия. И не надо оскорблять ее труд! Чем это вам не понравилась еда, позвольте спросить?!

- Да разве это еда? – спросил Хоэль почти смиренно. – Пустота какая-то воздушная. Такого хоть мешок умни – не наешься. А кофе будто водой разбавляли, он же совсем как...

- Попрошу не оскорблять наш слух! – перебила его Лусия. – Пудинг – великолепен! Нежный и легкий, как и полагается пудингу!

- Может пудингу и полагается, - проворчал Хоэль, - но я есть это не могу. Передайте лучше хлеб, донья Лезу-во-все-разговоры.

- Хватит, - сказала Катарина, пресекая новую ссору, потому что Лусия задыхнулась от нанесенного оскорбления и готовилась ответить. – Я намажу хлеб маслом. Это вам подойдет, дон?

- Мы же договорились, что вы зовете меня по имени, - сказал он и тут же добавил: - Подойдет. Благодарю.

- Пусть госпожа Коклес сварит кофе покрепче, - попросила Катарина служанок. – И пусть добавит ром и сливки. Вас это устроит? – обратилась она к мужу.

- Сливки не надо, - ответил он.

- Катарина... - сказала тихонько Лусия.

- Все хорошо, - успокоила она подругу.

Одна из служанок убежала, чтобы передать распоряжение хозяйки, и за столом повисло тягостное молчание. Катарина намазывала маслом хлеб, Лусия ковыряла вилкой биточек, поглядывая на подругу с сожалением, а на Хоэля - с плохо скрываемой ненавистью. Сам Хоэль сидел смирно, даже уныло, ожидая, пока подадут пищу ему по вкусу.

Вернулась служанка и доложила, теребя фартук:

- Донна, госпожа Коклес сказала, что сварила кофе, как обычно, а ром закончился, когда к обеду был дон де Лара.

Катарина постаралась не заметить недоуменного взгляда Хоэля и ответила очень спокойно, выкладывая хлеб с маслом на тарелку и вооружаясь ножом и вилкой, чтобы порезать его на кусочки:

- Пусть возьмет бутылку рома, которая припасена к Рождеству. И сварит кофе. До конца месяца мы будем пить чай. Попроси госпожу Коклес поторопиться, мой муж желает завтракать.

Служанка сделала маленький книксен и опять удалилась, а Хоэль нахмурился еще больше, но ни о чем не спросил.

Через четверть часа кофе был готов, но Хоэль не успел выпить ни глотка, потому что появился тот самый слуга мужского пола, что предлагал ему свои услуги поутру в уборной, и объявил, что прибыл судебный капитан.

- Зачем это? – встрепенулась Лусия. – Что-то случилось? Кэт?

- Ничего не случилось, - ответила Катарина, промокая губы салфеткой и складывая руки на коленях с видом святой мученицы. – Просите капитана, Эбрурио.

Хоэль только кашлянул в сторону, когда слуга с королевским именем Эбрурио отбыл приглашать капитана.

- Неужели, что-то случилось с донной Флоренсией? – прошептала Лусия.

Катарина лишь пожала плечами.

Капитан оказался бравым и усадым – как и положено служаке, преданному королю. Войдя в столовую, он первым белом так щелкнул каблуками, что впечатлительная Лусия подпрыгнула, едва не опрокинув кофейник.

- Доброе утро, донны... дон... - приветствовал капитан, немного замаявшись на последнем слове.

Хоэль хмыкнул и оперся локтем о стол, отчего Лусия закатила глаза.

- И вам доброе утро дон Гаспар, - приветствовала капитана Катарина. – Чем обязаны? Хотите чаю?

- Благодарю, но я по делу, - капитан говорил отрывисто, как отдавал команды на плацу. – Поступила жалоба от дона Хименеса. Он заявляет, что ваш... муж, донна, избил его.

Лусия ахнула, закрывшись платочком, а служанки переглянулись. Слуга Эбрурио тоже не преминул задержаться, то убирая чашки на поднос, то зачем-то переставляя их обратно на стол.

В маленькой столовой лишь двое остались невозмутимыми – хозяйка дома и сам виновник происшествия. Оба смотрели так безучастно и меланхолично, словно решили разом сыграть в игру – кто кого перемечтает.

- Донна Инес утверждает, что все произошло на ее глазах, - продолжал капитан, - и дон Бонавентура подтвердил, что избиение было, и дон Абелярдо. Ваш муж без причины избил человека – это преступление, донна, - Хоэля он как будто не замечал, обращаясь только к Катарине.

Но его грозные слова не произвели на герцогиню дель Астра никакого впечатления.

- Какое избиение, дон Гаспар, - ответила она напевно. – Всего лишь нелепая случайность... У моего мужа, как видите, руки в бинтах, разве он мог ударить дона Хименеса, который, насколько мне известно, пребывает в добром здравии и всегда рассказывает, какой он смелый и могучий кабальеро?

Хоэль быстро взглянул на жену из-под бровей и занялся изучением рисунка на кофейнике. Лусия потрясенно переводила взгляд с Катарины на Хоэля и зачем-то насыпала ложечкой сахар в пустую чашку.

- Но он не рукой ударил, - капитан сделал шаг вперед и навис над столом. – Он ударил головой!

- Головой? – Катарина приподняла брови. – Ах, оставьте. Я была там и тоже все видела. – Мой муж просто покачнулся и нечаянно толкнул господина Хименеса. Перед этим они довольно долго беседовали, а мой муж еще не окреп... Видите ли, во время судебного дознания он повредил ногу... и до сих пор стоит нетвердо. Кстати, это не вы вели судебное дознание в отношении моего супруга?

- Донна! Я... нет! – смешался капитан.

Хоэль открыл рот, чтобы говорить, но Катарина, не меняя кроткого выражения лица, пнула мужа под столом, больно попав по голени поврежденной ноги. Хоэль не удержался и с присвистом втянул воздух.

- Вы что-то хотели сказать? – тут же спросил капитан.

- Нет, что вы, - ответил Хоэль, стискивая от боли зубы, но очень учтиво. – Моя жена уже все сказала, мне нечего добавить.

- Но Хименес требует компенсации причиненного вреда, - теперь капитан обращался к Катарине.

- Что ж, - ответила она с сочувствием, - конечно, мы все возместим. Сколько с нас?

- Штраф – десять реалов, донна!

- Конечно, - Катарина обернулась к слуге и кротко сказала: - Эбрурио, будьте добры, попросите экономку передать дону Гаспару десять реалов под расписку.

- Кэт! – одними губами произнесла Лусия.

- Следуйте за Эбрурио, капитан, - попросила Катарина. – И передайте дону Хименесу слова сочувствия и пожелания скорого выздоровления. От меня и моего супруга. Всего доброго.

Капитану ничего не оставалось, как убраться, служанки унесли остатки трапезы, и в комнате остались трое – Катарина, Лусия и Хоэль.

- Что ты творишь, Катарина! – первой нарушила тишину Лусия. – Господи, если узнает донна Флоренсия...

- Всем доброго дня, - произнесла Катарина беззаботно и поднялась. – С вашего позволения, мне надо уйти. Лусия, сегодня ты мне не понадобишься.

Когда она вышла, Лусия словно с цепи сорвалась:

- Что вы опять там натворили, безголовое ничтожество?! – напустилась она на Хоэля, схватившись за край столешницы. – Вы видите, до чего ее довели?

- Я? – грубо спросил Хоэль, мрачно глядя на кофейную чашку.

- Ну не я же! – вскипела компаньонка. – Сейчас она опять убежит в свой домик печали, а все вы виноваты!

- Куда убежит?

- Подальше от вас, чудовище! – выкрикнула Лусия ему в лицо. – О! Как я вас ненавижу! Просто глаза бы вам выпарапала! И за ваши издевки, и за этот кофе, что вы у нее выклянчили! Вы даже не понимаете, что наделали! А теперь еще десять реалов! Вы отвратительны! Отвратительны! – она опрокинула стул и выбежала вон, оставив Хоэля одного, наедине с невеселыми размышлениями и остывшим кофе.

Глава 7. Еще один гость

Около получаса Катарина просидела в беседке, прячась в полутьме и вдыхая аромат роз. Можно было скрыться в садовом домике, перемерять все новые чулки, попробовать написать что-нибудь, но не хотелось. Хотелось просто посидеть в тишине, ни о чем не думая. Но прятаться весь день напролет было невозможно, и Катарина в конце концов решила покинуть свое убежище. Глаза привыкли к полумраку, и выходя из беседки, она прищурилась, защищаясь от яркого солнца, и не заметила, как на пороге возник Хоэль.

Они столкнулись, и Хоэль вынужден был схватить Катарину, чтобы не упала. Рука его легла на талию жены очень ловко, словно подобное происходило раз двадцать и пять из них – в сегодняшний день.

- Какая вы стремительная, донья Кошечка, - усмехнулся Хоэль, не отпуская Катарину, а прижимая к себе все сильнее.

Она уперлась ладонями ему в грудь. Но легче было сдвинуть с места скалу. Солнечный свет немного косо упал на мужское лицо, обозначив морщинки в углах глаз, а серые глаза стали прозрачными и холодными, словно осенние тучи. Катарина хотела сказать, чтобы муж немедленно отпустил ее – и не произнесла ни слова. Что в его глазах? Насмешка? Конечно, он смеется над ее неловкостью. Еще в его глазах злость – острая, как нож. Он зол на нее?.. Но еще глубже в этих глазах, там, куда солнце не смогло проникнуть, затаилась горечь. Горечь сожаления. О чем он сожалеет?..

Как странно, что Хоэль тоже молчал, и тоже смотрел ей в глаза. Что он увидел в ее глазах? Катарина была бы не прочь узнать об этом, и тут Хоэль перевел взгляд на ее губы.

Это было как удар, пронзивший от макушки до пяток, как молния, слетевшая с неба, хотя грозу ничего не предвещало.

Грудь сдавило, дыхание пресеклось, и Катарина поспешно отстранилась, но Хоэль сам отпустил ее.

- Это и есть дом печали? – спросил он, оглядывая беседку. – Что за дурацкое название?

Не сразу, после довольно долгих расспросов, Катарина поняла, что он говорит о садовом домике, где она прятала свои сокровища.

- Почему дом печали? – изумилась она. - Кто вам о нем сказал?

- Донья Пигалица.

- Лусия? О, она все перепутала. Этот дом – библиотека. И именно там я провожу самые приятные часы, а вовсе не печалюсь.

- Ну да, - кивнул Хоэль, - такая изящная донья должна любить книги. Но сейчас вы туда не побежали?

- Беседка тоже хороша, - ответила Катарина уклончиво. – Розы так славно пахнут.

Но ее муж был далек от разговоров о розах.

- Донья Пигалица накричала на меня за штраф, - сказал он, теребя гибкую ветку, которая оплела балюстраду. – У вас так плохо с деньгами?

- Не обращайтесь на Лусию внимания, - сказала Катарина, улыбаясь немного грустно. – Тут не в деньгах дело, дон, а Лусия просто очень переживает за меня.

- Мы договорились, что вы будете звать меня по имени, - напомнил он, на что Катарина промолчала.

Называть его по имени она ни в коем случае не собиралась.

- Я чего-то не разобрался, - заговорил он напрямик в своей излюбленной манере. – Как получается, что у герцогини кухарка отказывается варить кофе, а ром выдается только по большим праздникам? А как же... - он замолчал.

Катарина не удержалась от смеха, хотя смех ее прозвучал совсем не весело:

- А как же состояния трех моих мужей?

Он бросил на нее взгляд и сразу потупился:

- Вы слышали ведь, что молотил тот дурак.

- Да, слышала, - не стала изображать неведение Катарина. – И расценила ваше молчание, как попытку уберечь меня от слухов. Или вы испугались проклятья Чёрной вдовы? – она не могла не спросить этого, преподнесла мучивший ее вопрос в виде шутки.

Хоэль усмехнулся, покачав головой.

- Говорят, вас прозвали драконом, - продолжала Катарина, - потому что в сражениях вы проявили змеиную мудрость и почти драконью неуязвимость.

- Чего только не болтают, - ответил он быстро и, как ей показалось, с некоторым раздражением. – Но насчет проклятья, донья, можете не беспокоиться. Даже если оно существует – на меня не подействует...

- Я не сомневаюсь.

- И пока я здесь, не позволю всяким дуракам трепать ваше имя...

- Очень вам за это благодарна, - не сдержала сарказма Катарина, но поймала себя на мысли, что его речь простолюдина уже не так задевает.

Возможно, это она опустила до его простонародного уровня, а возможно дело было в том, что он и правда поддал этому противному дону Хименесу за длинный язык. Конечно, устраивать драку на улице – это не выход, но... Катарина не могла представить, чтобы кто-то из ее покойных мужей вот так ответил на оскорбление. Тем более – на оскорбление жены. Все ее мужья были благородными, достойными и не стали бы драться, а подали бы жалобу судебному капитану... Подали жалобу! Она снова не удержалась от смеха, осознав, как это нелепо – когда мужчина подает жалобу.

Обрадованный ее смехом, Хоэль тут же спросил:

- Значит, вы не злитесь, донья? Что касается денег – я вам обязательно все верну. Сейчас у меня, правда, ни гроша – король отобрал все земли... Но он же их и пожаловал, так что имел право.

- Оставьте, - мягко сказала Катарина. – У меня достаточно средств. И это мне следовало извиниться перед вами за неудачный завтрак. Видите ли, мы привыкли обходиться малым, но о вас теперь будут заботиться особо.

- Пигалица намекала, что вы вроде как на мели.

- Не волнуйтесь. Повторяю вам еще раз – денег у меня достаточно, вдова я и правда очень зажиточная, - тут Катарина позволила себе полуулыбку, чтобы окончательно убедить Хоэля. - Просто... просто моя семья будет не очень довольна незапланированными расходами. Но это вас не касается, дон. При всем моем уважении.

- Не касается? Но я же вроде как ваш муж? – он посмотрел вопросительно, для верности постучав себя ладонью по груди.

- Да, - подтвердила Катарина. – И сейчас вы – герцог дель Астра. Но неужели вы и правда считаете себя таковым?

- Не считаю, - помотал головой Хоэль. – Какой из меня герцог?

- Действительно, - Катарина усмехнулась.

- И мужа вам надо совсем другого, - по виду, Хоэль ничуть не обиделся на ее усмешку, - я точно не подхожу.

- Тогда и не беспокойтесь, дон. Оставьте мою жизнь мне. Тем более, меня все в ней устраивает.

- Все?

- Абсолютно.

- Вы уверены?

- Никаких сомнений.

- Зачем вы солгали офицеришке? - спросил он, резко меняя тему. – Могли бы сказать правду, да и платить за меня штрафы вы не обязаны.

Катарина ответила не сразу, коснувшись ветки, которую он теребил за пару минут до этого.

- Так почему? – настаивал Хоэль.

- Какой вы назойливый, - покачала головой Катарина. – Неужели думаете, что я спасла вас только для того, чтобы на следующий день вернуть в судебные застенки?

Он задумался, хмурясь и кусая нижнюю губу. Катарина посмотрела на него и отвернулась, ощущая слабость и негу во всем теле. Наверное, жара была тому причиной.

Из дома, через черный ход, вышел Эбрурио и объявил о приезде виконта де Лара, заметив хозяйку на пороге беседки.

- Оставлю вас, - сказала Катарина Хоэлю, прижимая юбки, чтобы проскользнуть мимо него.

- Де Лара? – тут же спросил муж. – Это которому споили последний ром?

- Вас это не касается, - ответила Катарина, сопроводив свои слова вежливым кивком.

Она шла к дому, чувствуя, что муж смотрит ей вслед. Почему ее так взволновала его близость? Разве она не решила, что он – невоспитанный мужлан? Пусть он и заступился за нее – это похвально, но не более. Но сердце билось сильнее, стоило вспомнить его руку на своей талии, и взгляд, скользнувший по ее губам...

Катарина спрянула пылающее лицо в ладонях. Неужели, она опять попадет в эту ловушку? Помнить столько лет один-единственный поцелуй – разве это не безумие? Но мало помнить, она ведь еще и мечтает... Мечтает о новом поцелуе? Нет, немислимо!

В гостиную Катарина вошла раздумывавшаяся, глаза ее блестели и посетитель – молодой человек весьма приятной наружности – не мог этого не заметить.

- Вижу, вы в добром здравии и настроении, донна, - приветствовал он Катарину, кланяясь изящно и привычно. – У вас глаза блестят, как звезды.

- Благодарю, дон Тадео, - сказала она, чувствуя, как его комплимент прошел мимо ее сердца. Вот как такое могло случиться, что комплименты достойного молодого человека перестали значить для нее хоть что-то? А ведь дон Тадео ей нравился. А теперь... она словно видела его другими глазами.

Катарина попыталась посмотреть на гостя так, как смотрела раньше – он милостив, даже красив – волосы русые, аккуратно подстрижены и причесаны, одет с иголочки, и только что снял перчатки – сейчас в столице модно надевать перчатки, выходя из дома. В руках дон Тадео держал трость с набалдашником из красного дерева – очень тонкой, искусной резьбы. Лицо мужчины выражало приветливость и искреннюю радость. Раньше его доброе отношение согревало душу, но сейчас Катарина подумала, что дон Тадео – сущий ребенок. И взгляд у него – безмятежно-юный, пустой. Как странно, что еще несколько дней назад она находила его весьма одухотворенным.

Глядя в глаза синие, как весеннее небо, Катарина невольно вспомнила о глазах других – серых, словно небо осеннее, затянутое тучами, острых, как заточенные ножи, насмешливых, но в глубине которых притаилась горечь. Почему ей пришлось по душе осень, а не весна?... Почему сейчас она совсем по-другому чувствовала и видела донна Тадео?

Катарина не помнила, чтобы молодой человек хоть раз нахмурился, повысил голос или засмеялся, открыв зубы – нет, на ее памяти он всегда был спокоен, вежлив, и улыбался уголками губ, как и положено благородному господину. Благородному, правильному... очень правильному.

- Донна Флоренсия еще в столице? – спросил он, после того, как Катарина пригласила его присесть.

- Она с Фабианом и Фелисаной пробудет там еще несколько недель, - ответила Катарина.
- Предложить вам что-нибудь выпить? Чай? Что-то покрепче?

- Нет, спасибо, - он изящно повел рукой, отказываясь от угощения. - Я приехал провести вас.

- Вы были только вчера, ничего в этом доме не изменилось, - улыбнулась Катарина, складывая и раскладывая веер.

- Как же? - безмятежный взгляд вдруг затуманился, а между светлыми бровями на гладком лбу пролегла еле заметная морщинка. - У вас неожиданно появился муж.

- Ах, да, - Катарина небрежно повела веером, одновременно пожав плечами и проклиная предательский румянец, появившийся против ее воли.

- Вы об этом уже позабыли? Я узнал об этом от соседей, весь город говорит о вашем поступке. Но не смущайтесь, я не осуждаю вас.

Нет, смущаться не было смысла. Да Катарина и не была смущена. Оглаживая пальцами костяные пластинки веера, она покачала головой:

- Конечно же, я не забыла об этом, добрый дон. Просто не хочу говорить об этом, прошу меня простить.

- Досадно, - он вдруг вскочил и прошелся по комнате. Остановился возле вазы с розами, которые недавно нещадно ошипывал Хоэль, и осторожно погладил расписной фарфор. - А я хотел поговорить именно о вашем муже. Зачем вы это сделали, Катарина?

Он впервые назвал ее по имени, и Катарина в первую секунду растерялась.

- О чем вы? - спросила она, выгадывая время.

- Зачем вы вышли замуж за этого человека? - дон Тадео обернулся, заложив руки за спину, и сделал по направлению к женщине несколько шагов. - Он что-то значит для вас? Говорят, он отказывался жениться и просил его повесить, лишь бы не становиться вашим мужем, но вы... поцеловали его прямо там, на площади, а потом увели, и он пошел за вами послушно, как... как ливийский дракон за принцессой.

- С чего это мы вспомнили ливийских драконов? - спросила она, стараясь перевести все в шутку. - Не далее как сегодня я тоже о них вспоминала и...

Дон Тадео стремительно шагнул вперед и сжал руку Катрины. Веер полетел на пол, но ни дон, ни донна этого не заметили:

- Скажите мне, в чем причина? - он сжимал ее пальцы все сильнее. - Вас что-то связывает с этим человеком? Катарина? Кэт? Ответьте...

- Мне больно, отпустите, - попросила она тихо, и дон Тадео тут же отпустил ее руку с запоздалыми извинениями.

Он неловко затоптался на месте и раздался тонкий треск.

- Вы сломали мой веер, - сказала Катарина со вздохом, опускаясь на колено, чтобы подобрать костяные осколки, но дон Тадео опередил ее и схватил белые пластинки с нарисованными розами.

- Я возьму его, а взамен принесу вам другой, - сказал он. - Простите мою неловкость...

- Не надо, у меня достаточно вееров, - остановила его порыв Катарина. - Выбросьте их, только и всего.

Но дон Тадео смотрел на осколки, как будто держал в руках все золото мира, и выкидывать не собирался.

- Вы мне не ответили, - произнес он тихо.

- А вы ждете ответа? - Катарина склонила голову к плечу, рассматривая молодого человека сочувственно. - При всем моем уважении, дон Тадео, вас это не касается. Оставьте мою жизнь мне и...

- Просто скажите! - произнес он страстно, и Катарина удивленно замолчала. - Просто скажите, что увидели его впервые в жизни, пожалели и поэтому допустили, чтобы свершилось

то, что свершилось. А поцелуй... Вы ведь поцеловали его для вида? Это была игра, не так ли? Игра и жалость?

Решительно, не одна она изменилась. Катарина не узнавала дона Тадео – сейчас в нем не было спокойствия ни на мизинный палец. Он трепетал, краснел и бледнел, и прижимал к груди ее поломанный веер.

Со стороны окна ей послышался сдавленный всхлип. Она резко обернулась, но в окно смотрели только чайные розы. Наверное, показалось.

- Что же вы молчите?! – почти выкрикнул дон Тадео. – Скажите что-нибудь. Я требую, в конце концов!

- Вы требуете? – Катарина опустилась в кресло, подперев голову рукой, и ощутив усталость и легкое раздражение, как от причитаний Лусии совсем недавно. – Но по какому праву, дон?

Он опомнился и рассыпался в извинениях и заверениях, что сказал глупость, взволнованный ее судьбой, и так далее, и так далее. Через четверть часа Катарина прервала его излишняя.

- Любому другому я бы уже указала на дверь, - сказала она необыкновенно спокойно. – Но вас я считаю своим другом, как вы считали себя другом дона Анджело. Думаю, вы имеете право переживать о памяти вашего друга. Да, я нарушила траур...

- Я не об этом, - быстро вставил дон Тадео, но Катарина жестом сделала ему знак молчать.

- ...нарушила траур, нарушила все мыслимые правила, чтобы спасти висельника, убийцу. Поэтому я объясню вам, чтобы вы не думали, что я предала память вашего друга и моего мужа. Да, я пожалела дона Хоэля Доминго. И если бы ему отказали в помиловании, я вцепилась бы в эту проклятую веревку, чтобы не дать его повесить, я бы кричала так, что небеса содрогнулись, я бы вцепилась в судью зубами, лишь бы спасти дона Хоэля. Потому что и тут вы оказались правы – нас кое-что связывает.

- Что? – спросил дон Тадео одними губами, побледнев, как смерть.

- Любому другому я не сказала бы больше ни слова. Но я знаю, что вы не выдадите мою тайну, - голос Катарины смягчился. – Я верю вам, дон Тадео, и поэтому расскажу. Однажды дон Хоэль спас меня. Это произошло много лет назад, когда я была глупой взбалмошной девчонкой. Однажды я собралась и поехала к отцу, который жил в военном лагере. Я взяла с собой всего лишь камеристку и маленького пажа. Будь жива моя мать, она бы не допустила такого безумства, но – увы! – вам известно, что я рано лишилась матери. По дороге на нас напали наемники. Мне страшно даже подумать, что могло бы со мной произойти, если бы не дон Хоэль. Он появился, обнажил меч, хотя наемников было около двадцати человек, и обратил их в бегство, после чего проводил меня и моих людей до лагеря. Тогда я поклялась, что никогда этого не забуду и верну долг, если потребуется. Дель Астра всегда держат слово, вам это известно. И вот – я спасла его. Можно ли меня осуждать – решайте сами.

Дон Тадео слушал с напряженным вниманием, потом губы его приоткрылись, задрожали, и он несколько раз глубоко вздохнул.

- Вы – сама доброта и преданность, донна, - сказал он, наконец. – Я потрясен. И не смею вас осуждать.

- Очень этому рада, - сказала Катарина. – Считайте меня эгоистичной, но я по-прежнему рассчитываю на вашу дружбу.

- Она всегда ваша, - глухо заверил ее дон Тадео. – И не только она...

Со стороны окна Катарине снова послышался всхлип, и на этот раз женщина подошла проверить. Высунувшись в окно, она осмотрела розовые кусты, но никого не заметила. Только порхали бабочки, да жуки с глянцевыми зелеными спинками деловито сновали по нагретому дереву подоконника.

Глава 8. Донна Длинные Уши

Первым порывом Хоэля было пойти следом за женой и посмотреть на де Лара, так любящего ром. Но, по здравому размышлению, он передумал. Донья герцогиня ясно дала понять, что не стоит соваться в семейные дела. В ее дела. Пусть он и муж, но все это – формальности, не стоящие внимания. «Вы считаете себя герцогом?» - спросила она мягко, но брови так насмешливо изогнулись. Хоэль хмыкнул, только совсем не весело. Он сам над собой потешался по поводу герцогства, но выслушать такое от жены – пусть даже жены по принуждению, было обидно.

Катарина вошла в дом, а он продолжал слоняться по саду, гадая, для чего явился этот самый де Лара. Лара были знатной и многочисленной фамилией. И богатой. Наверное, и сам гость – знатный, богатый, важный. Какой-нибудь замшелый дед, приехавший читать нравоучения. Или толстопузый брехун, вроде Хименеса. Или...

Нет, устоять перед соблазном увидеть с кем там разговаривает его жена, не было никакой возможности. В конце концов, разве он не имеет права прогуляться по саду? Насвистывая, Хоэль прошелся по гравийным дорожкам и остановился напротив окна гостиной. Вокруг были разбиты клумбы с розами, цветы так и лезли в окно – нагло, никого не стесняясь, укладываясь бутонами на подоконник.

Хоэль подсадовал, что нельзя так же, как они, засунуться в окно. Конечно, он мог бы, но жена будет недовольна. Жена! Недовольна! И двух дней не прошло, а он уже ведет себя, как мальчик при строгой мамочке. Надо поскорее убираться из этого дома, где все слишком хорошо для него.

Остановившись напротив гостиной, Хоэль словно ненароком повернулся к дому, делая вид, что любит окрестностями, а на деле пытаясь высмотреть, что происходит в комнате. К огромной досаде, ему удалось увидеть только противоположную стену и краешек рамы странной картины, на которой, как он помнил, была изображена красивая женщина с безмятежным лицом, попирающая босой ногой отрубленную мужскую голову.

Едва сдержавшись, чтобы не плюнуть, Хоэль хотел уже уйти, но тут заметил, что окно притягивало не только его и цветы. Кое-кто сидел среди роз и подслушивал. Лусия. Донья Пигалица, которой впору называться донья Длинные Уши. Подруга и компаньонка, а по совместительству еще и чертова проныра, которая так и напрашивалась, чтобы ее проучили.

Хоэль подкрался к ней со спины и в тот момент, когда Лусия вытянула шею, чтобы лучше расслышать, о чем говорят в комнате, обхватил одной рукой поперек туловища, а ладонью другой руки прищепнул девице рот, чтобы не заорала с перепугу. Она издала нечто вроде всхлипа и задергалась, как марионетка, которую разом дернули за все ниточки. На короткий миг Хоэлю стала видна гостиная – почти вся. И то, что он там увидел, ему совсем не понравилось. И услышал – тоже.

- ...я рассчитываю на вашу дружбу, - говорила Катарина необыкновенно мягким голосом.
- Она всегда ваша, - вторил ей мужской голос, - и не только она.

Хоэль покривился, потому что его жену весьма недвусмысленным образом держал за руку какой-то франт – вовсе не старый и не толстопузый, а очень даже молодой, и форменный стройняшка. К тому же, чистенький и напомаженный, как барышня. Он держал веер – костяной, с нарисованными розами... Так, веер с розами. Хоэль припомнил, что именно его он видел у жены несколько минут назад. Получается, она отдала франту свой веер? Подарила?..

Но медлить не следовало, поэтому Хоэль, оставив неприятные размышления, утащил брыкающуюся, как коза, Лусию за угол – и вовремя. Потому что находившиеся в гостиной замолчали. Наверняка, услышали возню. Но что они там болтают – это их дело, а никак не донья Пигалицы.

Хоэль приволок упирающуюся Лусию к беседке и втолкнул внутрь. Девушка отбежала от него на несколько шагов и первым делом достала кружевной платочек, чтобы вытереть лицо.

- Варвар! – выкрикнула она с ненавистью. – Как вы посмели прикоснуться ко мне! Невежа! Мужлан!

Собственно, ничего нового Хоэль не услышал, и чтобы уязвить нахалку еще сильнее, поплевал на ладонь, которой зажимал ей рот, и вытер ладонь о штаны.

- Вы... - задыхнулась Лусия, - вы... чудовище!..

- Пусть так, - согласился Хоэль, преграждая ей путь, когда она хотела выскочить наружу. – Но уши у меня обыкновенные, и не шевелятся, и я не сижу в кустах под чужими окнами.

Лусия пошла красными пятнами и немедленно разревелась.

- Эй, прекратите, - велел Хоэль и нахмурился. – Слезами меня не разжалобить, донья Длинноухая. И нечего сырость разводить. Какого черта вы подслушивали? Шпионите за своей хозяйкой?

- Как вы могли подумать?! – тут же вскинулась она.

- Тогда зачем? – широко расставив ноги, Хоэль загораживал выход, и взгляд Лусии метнулся к крохотному окошку, чем она выдала себя с головой. – И не думайте, донья, - предостерег он ее. – Я вас за задницу поймаю.

Лусия уселась на скамейку и заревела с новой силой, уткнувшись в кружевной фартучек.

- Что же вы так воете? – спросил Хоэль. – Надеюсь, это раскаянье?

Она свирепо посмотрела на него, но ее свирепость Хоэля ничуть не обескуражила. Тем более что со стороны дома слышались голоса жены и донна де Лара. Они прощались, и Катарина просила заходить при первой же возможности. Хоэль отвлекся, чтобы поглядеть на парочку. Хотя, какое ему дело, чем они там занимаются? Разве у такой красивой женщины не может быть любовника? Особенно если она постоянно вдова. Может, де Лара – как раз он и есть. Любовник. Но мысль о любовнике жены ему совсем не понравилась, и он испытал страстное желание расквасить франту миловидную мордашку под берберские узоры.

Лусия воспользовалась этим и попыталась выскочить из беседки, толкнув Хоэля в грудь. Ничего хорошего из этого не получилось, потому что Хоэль даже не двинулся с места, а Лусия отлетела от него, как горошина.

Она ударилась о лавку локтем, едва не упав, но снова бросилась на Хоэля.

- Да вы взбесились, что ли, донья? – спросил он, вмиг скрутив ее и зажав под мышкой. Возня с Лусией помешала ему расслышать последние слова, что Катарина сказала дону де Лара. – Вот из-за вас, донья Пигалица, все пропустил, - попенял он. – Вас в детстве не пороли?

- Что?! – пискнула она, полузадушенная.

- Не пороли, - понял Хоэль. – А зря. Вы бы тогда вели себя достойно...

- Что?!

- Но мы можем исправить ошибку ваших воспитателей, - продолжал Хоэль.

Катарины уже не было видно – она вернулась в дом, и теперь все внимание можно было уделить Лусии.

- Что это вы собираетесь делать, позвольте спросить?! – заверещала камеристка, когда Хоэль, задумчиво примерившись, начал отламывать гибкий прут.

- А вы как думаете? – ответил он вопросом на вопрос. – Явно не букет собираю.

Он отломил второй прут, и Лусия завизжала в голос, пытаясь укунить своего мучителя.

- Не посмеете! Не посмеете! – вопила она, но Хоэль мигом прихлопнул ей ротик. Хоть и со сломанными пальцами, с этой слабосильной птишкой он справился на раз-два. Да что там, и со сломанными руками бы справился.

- Вы же посмели подслушивать, - заметил он, отламывая третий прут и многозначительно потряс розгами перед личиком Лусии, а потом участливо спросил: - Бойтесь?

От ужаса глаза у Лусии стали огромными, и Хоэль решил, что пока с нее хватит.

- Но можем обойтись и без порки, - сказал он, примиряющее.

Говорить Лусия не могла, но очень быстро заморгала, показывая, что и она готова обойтись без нее.

- Если будете хорошей девочкой... - продолжал коварно Хоэль.

Тут Лусия насторожилась, и Хоэль прямо услышал ее мысли – кто знает, чего запросит это чудовище, которое напало даже на служанку ради своих низменных инстинктов, поэтому лучше позор от порки, чем позор от... от... В глазах девушки снова появились слезы, и Хоэль поспешил этим воспользоваться.

- Расскажите мне, о чем эти двое болтали в гостиной, - сказал он вкрадчиво, - и я забуду, что поймал вас под окошком.

Он ослабил хватку, убирая ладонь, чтобы Лусия могла говорить, и она заговорила немедленно:

- Вы хотите, чтобы я шпионила за Катариной?! Никогда!

- Но именно это вы и делали, дорогуша, - не поверил ее порыву Хоэль. – Так что? Секреты или... - он помахал прутьями.

- У вас пальцы сломаны! – взвизгнула Лусия.

- Ничего, с таким плевым делом я справлюсь, - заверил ее Хоэль. – Но вы не желаете говорить? Там, в гостиной, были такие неприличности, что предпочтете молчать даже под пытками?

- Неприличности?! Как вы смеете говорить подобным образом о Катарине!

Сама того не зная, она доставила Хоэлю огромное удовольствие. Значит, нежностей между Катариной и франтом не было, и это было приятно. Не то чтобы его волновали любовные похождения вдовушки, но быть рогоносцем на второй день брака – не вариант, вообще не вариант.

- Значит, будете молчать? – спросил он.

- Как могила, - ответила Лусия дрогнувшим голосом.

Хоэль смотрел на ее зареванное, но решительное личико, и неожиданно смягчился:

- Хорошо, храните секреты вашей хозяйки, я уважаю ваше право.

Лусия немедленно посмотрела на розги, которые он все еще держал, и отвела взгляд.

- Не радуйтесь, - пообещал ей Хоэль. – Вопрос насчет порки не решен.

Она заметно задрожала, хотя и старалась храбриться.

- Кто такой этот де Лара? – начал расспросы Хоэль. – Он женат?

Компаньонка наморщила лобик, усиленно соображая, можно ли ей рассказать об этом. Но в вопросе не было ничего крамольного, а Хоэль так выразительно помахал прутьями, что Лусия решила:

- Он не женат!

- А с чего заходит к донье вдове?

- Дон Тадео был другом покойного мужа Катарины. То есть донны Катарины.

- Какого по счету мужа? - уточнил Хоэль. – Говорите конкретнее, дамочка, их трое представилось, насколько я помню.

- Дон Тадео был дружен с доном Анджело, третьим и последним мужем донны, - торопливо ответила Лусия. – Они выросли вместе и вместе служили в столице. Дон Анджело был ранен и получил отпуск, он вернулся домой, а донна Катарина как раз вернулась из монастыря, где оплакивала смерть дона Серхио. Дон Анджело был очарован, ухаживал за донной, а потом...

- А потом они поженились, и он умер, - перебил ее Хоэль. – Донья, меня не интересуют умертвия...

Тут Лусия охнула и набожно перекрестилась.

- ...меня интересуют живые. И поэтому я желаю знать, с какими намерениями этот дон Тадео шастает сюда. Может он хотел стать четвертым герцогом дель Астра? Охотник за деньгами и титулом?

- Вы... вы!.. – от возмущения компаньонка не находила слов, но потом выпалила: - Вы не смеете говорить в таком тоне о нем! Он... он самый чудесный, добрый, умный человек на всем свете! Он – настоящий рыцарь, не то что... некоторые!..

Намек был более чем прозрачен. Хоэль, прищурившись, смотрел на личико Лусии – она преобразилась, куда только девались злость и высокомерие. Глаза засияли, щеки вспыхнули румянцем.. Ну что ж, все яснее ясного.

- Э, да вы влюблены в него, как кошка, - протянул Хоэль. - В этого де Лара.

- Что?! – пискнула Лусия, хватаясь за сердце.

- Бросьте, что я не видел влюбленных кошек? Простите, женщин... - забросив в угол прутья, Хоэль сел на лавку, вытянув ноги. Если что – задержать донну Безответно-влюбленную, он всегда успеет. – Значит, и тут подружка вас обошла?

- Обошла?!

- Прекратите притворяться, - Хоэль засмеялся. – Она богата, красива, от мужчин отбоя нет, да еще и ваш франтик за ней ухаживает. Она ему веер подарила, вот коварная...

- Не подарила! Дон Тадео сам его взял, чтобы починить!

- А, значит, не подарила, - от этой новости настроение у Хоэля улучшилось. – А дружбу и что-то там еще он ей просто так предлагал, по доброте душевной?

- Конечно, по доброте! – так и вскипела Лусия. – Дон Тадео – благородный рыцарь! На него можно положиться! Он бы... он бы... - она закусил губу, взглянула отчаянно и выпалила: - Он бы женился на ней, когда закончился траур! И Катарина была бы счастливейшей из женщин!

- Интересно-то как, - Хоэль подался вперед, оперевшись локтем о колено. – И вы вот так просто смирились, чтобы ваша удачливая подружка забрала мужчину, в которого вы втюрились?

- Как вы смеете!

- Да бросьте, будем говорить напрямик, - сказал Хоэль грубо. – Чего вы так расфыркались? Теперь он свободен и полностью ваш.

- Вы не понимаете, - заговорила Лусия, сжимая кулаки. – Вы совсем ничего не понимаете. Неужели вы думаете, что я ради мужчины пожертвую счастьем своей горячо любимой подруги? Я с ней с детства, знаю ее лучше всех, умру за нее, если потребуется. А вы... Появились и разрушили все! Все из-за вас! – крикнула она ему в лицо. – Вы даже не представляете, как ей навредили! Зря она вас пожалела! Не стойте вы ее жалости, совсем не стойте!

Слово «пожалела» ударило больно, но Хоэль не показал виду, что уязвлен, а Лусия продолжала, распаляясь все сильнее:

- Я боюсь представить, что скажет донна Флоренсия, когда вернется!

- Ну-ка, с этого места поподробнее, - велел Хоэль. – Донья Флоренсия у нас кто?..

Лусия замолчала, уставившись на него, и только через несколько секунд вопрос достиг ее сознания.

- Донна Флоренсия, - сказала она с таким видом, словно говорила о Святом Папе, - матушка донны Катерины, она будет очень недовольна, когда узнает...

- Матушка доньи Катерины померла, насколько я понял, - перебил ее Хоэль. – Значит, донья Флоренсия – мачеха?

- Да, - произнесла с запинкой Лусия.

- Тогда говорите все, как есть, - посоветовал ей Хоэль. – Мачеха приедет и будет ругать вашу хозяйку. За что? За то, что она вышла замуж?

- За то, что вышла замуж за вас! – прошипела Лусия. – Это позор для дель Астра!

- Полегче, полегче, донья Шипучка. Что-то я не пойму, ваша хозяйка трижды вдова, но мачеха будет ее ругать? А не наплевать ли Катарине на мачеху?

Краска мигом сбежала с лица Лусии, и она села на скамейку, напротив входа, сложив руки на коленях.

- Ага, так тут донья мачеха всем заправляет? – понял ее молчание Хоэль. – И ваша хозяйка и за расходы перед ней отчитывается? Это потому вы так нелюбезно наорали на меня утром?

Лусия метнула в него злой взгляд и отвернулась.

- Чудны дела, - протянул Хоэль. – Совсем ничего не понял. Эта милая донья, которая Флоренсия, живет в этом доме? Когда не шастает по столицам?

- Нет, донна Флоренсия живет в замке Звезд, - пояснила Лусия, как будто нехотя. – Это фамильная резиденция дель Астра, а этот дом – наследство покойной матушки донны Катарины.

- Значит, мачеха заняла родительское гнездышко? – понял по-своему Хоэль.

Лусия протестующее вскрикнула, но следующий вопрос заставил ее вскрикнуть еще громче и вскинуть голову.

- А где хранятся все деньги вашей хозяйки?

- Почему вы спрашиваете?! – возмутилась Лусия. – Только не говорите, низкий человек, что вы намерены обобрать ее!

Это было уже слишком, а Хоэль и так уже долго терпел. Лусия только моргнула, когда он оказался рядом с ней, припечатав взглядом к скамейке.

- Послушайте, донья, - сказал Хоэль голосом, не предвещавшим ничего хорошего. – Ваша хозяйка спасла меня, и я ей многим обязан. А если посмеете подозревать, что я позарюсь на ее богатства или титул, я вас точно выпорю, по нежному заднику, чтобы неделю сидеть не смогли. Понятно?

Она втянула голову, не смея пошевелиться, а Хоэль прошел к порогу и остановился, оперевшись плечом о косяк.

- Где хранятся ее финансы? – повторил он.

- В банке Медичи, - ответила Лусия. – У них кабинет здесь, в Тьерге. Семейный банкир – дон Вилфредо.

- Дружок мачехи?

- Простите?! – Лусия возмущенно вскинула на него глаза.

- Плохо слышите, донья? С мачехой этот добрый дон на короткой ноге?

- Дон Вилфредо – крестный отец донны Фелисаны, - вынуждена была признать Лусия.

- Это еще кто?

- Дочь донны Флоренсии от первого брака.

- Очень интересно, - Хоэль нечаянно выглянул из беседки и увидел, как Катарина опять вышла из дома – на сей раз навстречу молодой особе в сопровождении старой карги. Дамочки были наряжены ярко и пестро, как попугаи, и рядом с ними Катарина в своем черном платье выглядела, как королева в изгнании, которую решили посетить прежние подданные, у которых все хорошо и замечательно.

Молодая дама протянула желтый конверт, и Катарина, помедлив, приняла его. Но лицо у нее при этом окаменело, и Хоэль почувствовал неладное. Нет, ей не нравились гости. И их приход был явно ей не по душе.

Дамы перебросились парой фраз, а потом Катарина коротко поклонилась, сделав шаг к калитке, словно желая проводить женщин, но молодая особа что-то зашебетала, трясая веером, по-видимому, не желая уходить. Снова пара фраз, и Катарина снова кланяется и делает еще шаг к калитке, но девица хватается ее под руку, подталкивая к дому.

Лицо Катарина приобрело уже знакомое Хоэлю выражение – замкнутой непримиримости. Это когда есть, что сказать, но воспитание не позволяет.

Старшая донна подхватила Катарину под руку с другой стороны, и попугаистые дамы направились к дому, и Катарина подчинилась – обреченно, как будто ее вели на казнь.

- С тобой потом разберусь, головёшка, - сказал Хоэль Лусии, забыв об уважительном «донья». – Поговорим еще, - и вразвалочку пошел к женщинам.

Глава 9. Вы поедете на бал?

- Будет очень весело, - уверяла донна Забель, увлекая Катарину в дом, в то время как тетушка донны Забель - донна Пепита цепко ухватила Катарину под локоть с другой стороны. – Это будет прелесть, что такое! Сначала угощение в саду, потом маскарад и танцы, а потом – фейерверк! Мой муж постарался, ведь не каждый день помолвка у единственной дочери, - она посмотрела на Катарину насмешливо-ласково, поверх веера из страусиных перьев. Веер был похож на снежную лавину, а рукоятка инкрустирована серебром и перламутром. Экстравагантная и красивая вещица, посмотрев на которую оставалось только тайком вздохнуть.

Донна Пепита вышагивала рядом с Катариной с сухим высокомерием, задирая острый нос к самому небу, и было удивительно, как не сваливалась с ее головы бархатная шапочка, расшитая жемчугом, янтарем и золотом.

Катарина ни в коем случае не хотела, чтобы они заходили в дом, но сказать об этом прямо было немислимо – невежливо, бестактно, грубо. Она шла, подталкиваемая благородными доннами, как на виселицу, держа конверт, который только что вручила ей донна Забель. Зачем эти дамы явились с приглашением? Хватило бы просто отправить служанку. Но нет, пришли сами, хотя до этого никогда не посещали ее дом, охотнее приезжая в гости к мачехе. И еще они постоянно сплетничали. Пожалуй, во всей Тьерге не было таких отъявленных сплетниц. Заметив, как обе дамы посматривали по сторонам, Катарина поняла причину их приезда – конечно же, они хотели взглянуть на страшного убийцу, взглянуть на ее мужа.

- Благодарю за приглашение, - мягко сказала Катарина, делая последнюю попытку остановить их, и замедлила шаг, - я вынуждена отказаться...

- Добрый день, доньи! – раздалось за ее спиной.

И в пору было простонать, вопрошая небеса - за что они пустили подобную несправедливость, потому что на радость сплетницам к ним шел дон Хоэль собственной персоной.

Разумеется, донна Забель и донна Пепита тут же воззрились на него, жадно рассматривая. Катарина только горестно покачала головой – теперь точно сплетням не будет конца. И зачем Хоэлю надо было выходить? Разве его звали?

- Смотрю, у нас сегодня гость за гостем, - объявил ее муж, подходя ближе и кланяясь дамам с такой любезностью, что это казалось почти оскорбительным. Впрочем, возможно, так казалось одной Катарине. – Чем обязаны? – продолжал он разыгрывать роль гостеприимного хозяина, а Катарина подавила желание наступить ему на ногу, чтобы не паясничал.

- Донна Забель принесла приглашение на маскарад, - торопливо произнесла она, надеясь, что любопытные дамы уйдут. – Я как раз говорила, что не смогу пойти...

- В честь помолвки моей дочери с доном Микелом будет грандиозный праздник, - услужливо объяснила донна Забель. – Вы тоже приглашены... дон. Мой муж будет рад увидеть вас с вашей прекрасной женой. А сейчас донна Катарина приглашала нас на чашку чая...

- О! – только и произнесла Катарина. Разумеется, никаких приглашений с ее стороны не поступало, но гости, видимо, поняли все так, как захотели.

Хоэль вдруг бросил на жену быстрый и внимательный взгляд – как вспышка в лицо, отчего Катарина замерла, словно птичка, встретившая змею.

- Пригласила на чай? – не очень вежливо перебил Хоэль благородную донну, которая уверяла, что ей ужасно хочется поболтать с донной Катариной за чашечкой чая и обсудить некие мелочи. – Очень мило с ее стороны пригласить вас, как и мило с вашей стороны, дорогая донья, что вы изволили притащиться... то есть осчастливить своим визитом. Сразу видно, что в этом городишке живут сердечные люди!

- Будут угощение, танцы, а потом фейерверк, - продолжала донна Забель, беззастенчиво глядя на него.

- Даже фейер... как? – переспросил Хоэль.

Донна Забель засмеялась, прикрывшись веером, и пояснила:

- Фейерверк, дон. Мой муж прекрасно умеет делать фейерверки, вам понравится.

- Сожалею, но я в трауре, - напомнила Катарина. – Вы были очень любезны, что вспомнили обо мне, но...

- Но с чаем ничего не выйдет, дорогие доньи, - радостно подхватил Хоэль. – Потому что сейчас мы с моей милой кошечкой хотим побродить по саду. Вы же не будете столь жестоки, что помешаете нашему семейному счастью? Так что – вон калитка, если вы позабыли.

Донна Забель открыла рот и забыла закрыть, а донна Пепита извлекла из бархатной сумочки лорнет и навела на Хоэля, рассматривая его, как диковинную зверушку. Катарину бросило в холодный пот. Зачем надо давать лишний повод для насмешек? Ладно бы только она знала, что у донна Хоэля речь, как у конюха, но для чего выпячивать это при всех? Кошечка! Он назвал ее кошечкой! Ни один из ее прежних мужей не позволял себе такой фамильярности при посторонних.

- Но донна Катарина совсем... - начала донна Забель, и не думая разворачиваться туда, куда ее послали – к калитке.

Не слушая ее, Хоэль подался вперед, заглядывая в лорнет донны Пепиты и хохотнул:

- Забавные стекляшки! Я видел такие у старины Карло. Вы его знаете, доньи? Он королевский постельничий. Получил место из-за папаши, он у него наместник в Хилоке, важная птица. Да вся беда, что глаза у Карло – как у столетней старухи...

Донна Пепита, которую невзначай сравнили со столетней старухой, поджала губы с видом оскорбленной добродетели, и теперь уже Катарина поднесла платок к лицу, скрывая улыбку, которую не смогла удержать, несмотря на раздражение.

А Хоэль продолжал, между делом оттесняя достойных дам от жены и разворачивая по направлению к выходу:

- Представьте, однажды Карло вместо таза для умывания подал королю горшок, и его величество окунул туда руки, - он оглушительно засмеялся. – А что – и таз, и горшок были серебряные, а Карло с трех шагов родную маму не узнавал! Так он тоже себе такие стекляшки приобрел, король велел. Наверное, побоялся – вдруг Карло ему в следующий раз горшок вместо кувшина с питьевой водой подаст.

Лицо донны Пепиты вытянулось, и она поспешно спрятала лорнет, а донна Забель захлопала глазами, не зная, что сказать. Катарине хотелось провалиться сквозь землю - ей было и стыдно, и смешно, и она произнесла, глядя на мужа с выражением:

- Вы не могли бы пройти в дом? Я велела Эбрурио отнести корреспонденцию в гостиную, но передумала. Попросите его отнести все в кабинет?

Но Хоэль не ушел, и, похоже, уходить не собирался.

- Она хочет, чтобы я турнул Эбрурио, - доверительно сообщил он дамам, - слуги тут совсем распоясались. Но что поделать, если в доме не было мужчины?

Донна Забель и донна Пепита быстро переглянулись, и донна Забель кашлянула, прикрывшись веером.

- Но теперь мужчина в доме есть, - заверил их Хоэль, - поэтому моей кошечке не о чем больше беспокоиться. Я знаю, что делать с ленивыми слугами и назойливыми мухами... то есть гостями. Нет, добрые доньи, конечно же, это не о вас. Вы-то, наверняка, самый цвет этого городишки? Аристократки и все такое, а? – он подмигнул и легонько толкнул донну Забель локтем в ребра, отчего она едва не свалилась в кусты. – Но сегодня такая жара – прямо адово пекло, не находите, старые переч... то есть прекрасные дамы? Так что вам лучше поторопиться. Домой, домой! Солнце вон уже как припекает, стекляшки... - он хохотнул, указывая на бархатную сумочку донны Пепиты, - запотеют.

- Очень приятно было с вами познакомиться ближе, дон, - сказала донна Забель, беря под руку донну Пепиту, и они обе поплыли к калитке.

Катарина сжимала конверт с приглашением, испытывая дикое желание ударить им Хоэля по физиономии. А он махал рукой удалявшимся женщинам с самым радушным видом.

- И к чему было устраивать этот спектакль? – спросила Катарина, когда дамы удалились настолько, что не могли их слышать.

- Э-э... - муж почесал грудь тыльной стороной ладони и признался: - Они, вроде, вам досаждали, вот я их и выпроводил. Нет?

- Они пришли посмотреть на вас, глупая вы голова, - сказала Катарина страдальчески, взмахнула конвертом и пошла к дому.

Хоэль поспешил за ней, не отставая ни на шаг.

- Вы вроде как рассердились, донья? – спросил он. – Потому что я вылез, что ли?

- Именно, - они зашли в дом, Катарина закрыла двери и повернулась к мужу, глубоко вздохнув, чтобы не наговорить в горячке лишнего. – Давайте договоримся, что вы не станете выходить навстречу моим гостям. Разрешите мне самой распоряжаться своей жизнью. Я ценю ваше желание помочь, но прошу – не вмешивайтесь. Я взрослая женщина и могу сама...

- Взрослая женщина, которая отчитывается перед мачехой за десяток монет? – невинно спросил Хоэль.

Катарина застыла, комкая конверт и не замечая этого.

- И живете в доме матери, а не в замке отца?

- Это мой выбор! – возмутилась Катарина. – Мне приятнее находиться там, где жила моя мама...

- А не там, где поселилась ваша мачеха со своим выводком, - закончил Хоэль.

- Вам не следует... - еле выговорила Катарина. На нее разом нахлынуло столько чувств, что в груди стало тесно. Как он смеет говорить такое? Он, которого она пожалела, спасла... И вот такое о ней и ее семье?..

- А вы приумолкли, - Хоэль внимательно наблюдал за ней. – Значит, не так уж я не прав. Катарина молчала, собираясь с мыслями. Сейчас она скажет ему, ответит...

- Вы ведь хотите поехать на этот маскарад? – спросил вдруг он, и Катарина захлопала глазами.

- А... я...

- Вам ведь не слишком много веселья перепало за последние годы? – продолжал Хоэль. – В столице праздник, а вы сидите в этом тараканьем городишке. И маскарад бы вам ручкой помахал из-за траура. Но теперь-то вы замужем. И никакого траура, - последние слова он почти пропел, наклоняясь к ее уху. – Там что если вам хочется повеселиться – идите и веселитесь. Никто вас за это не осудит.

Катарина скептически посмотрела на него.

- А если какие-нибудь сплетники и начнут трепать языками, - продолжал он невозмутимо, - просто наплюйте на них. Или мне скажите. Я умею укорачивать слишком длинные языки.

- Всему городу вы языки не укоротите, - сказала Катарина, проходя в гостиную. – Вы вели себя невежливо, Хоэль, очень невежливо. Я прошу, не надо выходить к моим гостям.

- Если честно, меня бесят ваши гости, - заявил он, следуя за ней, как на веревочке. – Тому франту, что забрал ваш веер, я бы заехал по носу пару раз.

Теперь она посмотрела на него с ужасом:

- Вы не сделаете ничего подобного!

- А что, есть повод? – спросил он, ничуть не смутившись.

- Вы ужасны, - сказала она, бросая конверт на стол. – Но надеюсь, мы договорились.

Он промышал что-то, что можно было одинаково принять и за согласие, и за отказ. На том разговор и закончился.

Несколько последующих дней в Каса-Пелирохо прошли спокойно. Катарина встречала мужа только за столом, где он молчал, как рыба, с завидным аппетитом поглощая жаркое и наваристые супы, заказанные в трактирии, и уже на третий день обошелся без помощи жены, самостоятельно удержав ложку.

Для него Катарина заказала еще и кофе – тайком, через Лусию. Ее верная подруга почему-то стала необычайно молчалива, и в присутствии Хоэля старалась побыстрее удрать. Конечно, Хоэль – не самая приятная компания, но убежать, по мнению Катарины, причин не было. Иногда она видела, как Хоэль слоняется по саду или болтает со слугами. О чем можно говорить со слугами? Но все это были сторонние, совершенно не нужные мысли, потому что сейчас ее заботило другое. Приближалась премьера очередной пьесы Гарсиласо де ла Васо, и пропустить это зрелище было просто невозможно. Катарина старалась посещать все премьеры своих пьес, и делала это не столько для того, чтобы потешить тщеславие, сколько чтобы послушать зрителей. Что им нравится, а что – нет. Какие герои находят отклик в душах, а какие оставляют равнодушными. Что заставляет людей смеяться, а что – плакать. Иногда она прямо там же, перед уличной сценой, придумывала новую историю – еще искрометнее, еще веселее и забавнее.

В субботу, после утренней мессы, на площади были установлены театральные подмостки – Катарина видела сквозь щелочку между занавесей кареты, и даже сердце задрожало от предвкушения.

Сказавшись нездоровой, она избавилась от Лусии и отпустила слуг, уверив, что они с Хоэлем обойдутся холодным ужином. Слуги были только рады, а Лусия долго и нудно предлагала вызвать врача, пока Катарина не отправила ее с письмом к настоятельнице монастыря, попросив прислать свежего меда и новые четки.

- Не хочу оставлять тебя с этим, - сказала Лусия страдальчески, уже стоя на пороге в дорожном плаще. – Ты уверена, что справишься без меня?

- Все будет замечательно, - заверила ее Катарина, изнывая от нетерпения, - только не езжай в ночь – оставайся переночевать в монастыре. Мать Кассильда будет рада, а я буду спокойна.

- Я вернусь утром, - заверила ее Лусия, поцеловала на прощание и отбыла, забрав карету и кучера.

Но карета была не нужна. После ужина Катарина пожелала Хоэлю спокойной ночи и мышкой пробежала в садовый домик, чтобы переодеться. Укороченная коричневая юбка, яркий полосатый черно-красный передник, желтая кофта и черный корсаж, черная косынка, полностью скрывавшая волосы – и вместо благородной донны на Катарину из зеркала смотрела бойкая простолюдинка. Надев полумаску и набросив на плечи цветастую шаль, Катарина дождалась сумерек и выскользнула из домика, заперев двери. Осталось выйти через заднюю калитку и...

- И куда это вы собрались? – раздался голос Хоэля над самым ее ухом. – Маскарад, вроде, не сегодня.

Катарина метнулась бежать, но муж преградил ей дорогу, заглядывая в лицо.

- Вы основательно подготовились, донья. И кто вас ждет? Любовник?

Глава 10. Представление начинается

- Да как вы смее!.. – Катарина почувствовала, что краснеет.

- Вообще-то, я ваш муж, если не забыли, - сказал Хоэль каким-то новым тоном – без дурашливости, необыкновенно серьезно и... грустно.

Катарина едва осмелилась поднять на него глаза. Муж стоял, привалившись плечом к двери садового домика, зажав в зубах травинку, и лицо у него было каменное. Он и правда думает, что она отправляется на свидание? Но ей-то какое дело? Пусть думает, что хочет, и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.